

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Трагическая любовь Долорес Гонсалес к гениальному художнику Пабло Пикассо нашла свое отражение в альбоме с графическими рисунками мастера. Но этот бесценный раритет никому не приносит счастья!..

Ольга ТАРАСЕВИЧ

Альбом страсти Пикассо

Ольга Тарасевич
Альбом страсти Пикассо
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874065
Альбом страсти Пикассо: Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-54361-8

Аннотация

Любовь Пабло Пикассо не грела, а обжигала и испепеляла. Познав такую страсть, художница Долорес Гонсалес покончила с собой, а альбом, где гениальный Пикассо рисовал свою любовницу, бесследно исчез. Время все перепутало: страны, судьбы, чувства, преступления... Писательница и журналистка Лика Вронская собиралась отметить с друзьями переезд в загородный дом. А оказалась в самом эпицентре странных криминальных событий. Похоже, в Москве находится альбом графики Пикассо, за ним идет настоящая охота. Преступник готов на все, он хитер, изворотлив, мастерски подставляет ни в чем не повинных людей. И не остановится ни перед чем, чтобы его получить...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Тарасевич

Альбом страсти Пикассо

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Памяти моей любимой собаки Снапа. Прости меня, малыш; не сберегла. Ты всегда будешь жить в моем сердце.

Пролог

*Почти за год до описываемых событий Ситджес, недалеко от Барселоны, Испания
А ведь смерть Хосе к лицу.*

Невероятно, да? Я – не циник, не закоренелая преступница; самая обычная девушка, слишком обычная для любых радикальных действий. Даже странно, что такой кощунственной оказалась первая мысль, пришедшая мне в голову. Я наткнулась на труп своего любовника и действительно почему-то подумала: «Ему идет смерть...»

Впрочем, я не совсем правильно объясняю. Хосе вообще был очень приметным парнем. Испанцы – красивая нация, и Хосе обладал классически-эффектной южной внешностью.

Очень высокий (думаю, его рост был больше ста девяноста сантиметров), широкоплечий, с узкими бедрами, Хосе просто парализовывал женщин своим видом. Все черты его внешности описываются прилагательными только в превосходной степени. Наичернейшие волосы. Белоснежнейшая улыбка. Самые ярчайшие губы, обещающие нежные поцелуи. Наикрепчайшие мышцы, загорело-бугрящиеся под светлой рубашкой...

Он вонзил в меня острый кинжал взгляда, и я мгновенно погибла. Растеклась сладкой патокой восхищенья, а потом испарилась и растаяла в застывшем облаке времени.

Мне показалось, я умерла от восторга, и это было совершенно логично.

Жить дальше просто незачем.

Конечно, такой симпатичный парень никогда не будет моим. Он работает барменом в отеле, и несложно догадаться: к его услугам сотни скучающих красоток. А кто я? Всего лишь одна из туристок, слишком неприметная, слишком толстая, слишком глупая. «Ола¹, вот твой кофе», – это все, что может сказать красавчик такой девушке, как я. Но дело не только в том, что бармен – принц, а я – хроническая замарашка без малейших намеков на родню среди волшебниц. Даже на отдых брат не отпускает меня без... я не называю Марию Дмитриевну няней, потому что мне все-таки восемнадцать лет... но от того, что я ее так не называю, роль этой церберши в моей жизни не меняется – она стремится контролировать каждую мелочь, я не могу вздохнуть без ее ведома.

Хосе, Хосе.

Если бы мне кто-то сказал, что рядом со мной окажется такой парень, – я бы сочла подобные слова издевательством.

Но, тем не менее, все устроилось. От нашей первой встречи до объяснения не прошло и дня! Я даже и мечтать не могла о таком! Хосе уверял, что влюбился в меня с первого взгляда...

– Ты такая красивая, как богиня! Мне нравятся твои глаза, они сияют, словно звезды. Твое тело сводит меня с ума! – тараторил он и в пылу переходил с английского на испанский.

¹ Привет (испанск.).

Я переставала понимать его, просто наслаждалась голосом своего будущего любовника.

Марию Дмитриевну оказалось дурачить проще простого. Хосе попросил своего приятеля разыграть сцену на пляже. Тот (нам здорово повезло, он был намного старше Хосе!) представился доктором, подошел к нам и захохотал: «Какая больная спина у юной сеньориты, как хорошо, что в нашей клинике делаются специальные процедуры». Мария Дмитриевна приняла бдительную стойку, просканировала незнакомца и – ура, предварительная проверка пройдена! – потребовала осмотра клиники. Нас провели по шикарному лечебно-оздоровительному комплексу, утыканному различным оборудованием, напоминающим космические корабли. Перед «доктором» все почтительно расступались. И моя цербершиа растаяла и согласилась с тем, что мне просто необходим курс процедур. «Как это любезно, что «доктор» даже сам будет заезжать в отель за пациенткой!» – защебетала она. Испанского Мария Дмитриевна не знала, поэтому так и не поняла, что на пропуске приятеля Хосе, которым он открывал дверь, написано «уборщик помещений», а к нашей группе все сотрудники центра относились уважительно, так как считали нас претендентками на работу со шваброй, которым «шеф» якобы показывает объем предстоящей работы! Деньги, выдававшиеся мне для «процедур», мы с Хосе весело тратили то на корриду в Барселоне (столица Каталонии находилась очень близко от курортного городка Ситджес, который облюбовала для моего отдыха Мария Дмитриевна), то на экскурсию в Таррагону (этот небольшой городок, где сохранились потрясающие римские развалины, сразу же покорила меня) или просто на изумительно вкусную пазлю в прибрежном кафе.

Я часто путешествую по миру. Мой брат Вадим Липин – успешный дизайнер, благодаря ему я формально ни в чем не нуждаюсь. Фактически же я живу в аду, хотя со стороны, возможно, он и похож на рай. Золотые клетки, как правило, так и выглядят. Я очень люблю своего брата. Это мой единственный близкий родственник, и я понимаю – забота обо мне, Вадька стремится дать мне все самое лучшее. В своем понимании, разумеется. Я очень стараюсь на него не обижаться. После трагической смерти наших родителей у Вадика, кажется, стало не все в порядке с головой. И это объяснимо, я бы тоже сошла с ума, если бы вернувшись из школы, обнаружила маму и папу в луже крови. Но в тот день, когда какой-то отморозок решил ограбить нашу квартиру, я находилась в инфекционной больнице. А Вадька пришел домой, и...

Я понимаю – брат старается защитить меня. Только все равно, иногда от такой защиты хочется удавиться. Надо мной смеются все однокурсники! Я ни разу не была в ночном клубе, никогда не праздновала сдачу сессии. После лекций за мной заезжает Мария Дмитриевна, и мы едем с ней в фитнес-центр или по магазинам, потом возвращаемся домой и я готовлюсь к семинарам или экзаменам... Формально брат не препятствует моему общению с подругами. Но Вадька требует, чтобы наши разговоры велись только в его присутствии! Не очень-то такое условие способствует дружбе! И кто из девчонок согласится приезжать ко мне ближе к полуночи, когда брат возвращается домой?! О парнях и говорить не приходится. Пару раз меня пытались пригласить на свидание мальчики из группы, пришлось делать вид, что они меня не интересуют. Объяснять, что я не встречаюсь с парнями, потому что брат не разрешает, было просто стыдно.

В общем, наверное, единственная моя отдушина – это путешествия. Хоть какие-то события, впечатления, новые лица – пусть и под бдительным контролем Марии Дмитриевны.

Я полюбила трогательно-розовое небо над Парижем и серую строгость Вены; мне было хорошо и в дождливом Лондоне и в солнечном Риме.

Но только увидев Барселону, я поняла – вот это настоящее, вот это навсегда. Этот город очень разный, размашистый, бурлящий. И... он похож на меня, своей душой, характером

ром! Саграда Фамилия² – это мое огромное необъятное горе, расставание с моими любимыми мамочкой и папочкой. Их убили более пятнадцати лет назад. С той поры не было ни дня, чтобы я о них не вспоминала. Мне не хватает маминой улыбки, папиных ехидно прищуренных глаз. Я так скучаю по ним, мне настолько больно без них, и описать это невозможно. Те, кто видел Саграда Фамилия, меня поймут. Все мы беззащитны и ничтожны перед судьбой. Говорят, у человека есть выбор. Не верю. У нас нет никакого выбора, кроме того, чтобы принимать выпавшие нам на долю испытания. Вот Высшие силы – да, они сильны, всемогущи, подавляют, крутят человеческие судьбы, словно песчинки. Люди – просто ничтожные букашки перед этим величием...

Моя боль все время со мной. Она дает знать о себе в тех ситуациях, когда я в принципе и не думаю ковырять застарелую рану. Просто так все время получается – любого повода достаточно для того, чтобы скатиться в стильную пропасть тоски. И чем больше стараешься выбраться, тем глубже падаешь...

На самом деле теперь мне хотелось просто говорить о Барселоне. Рассказать, что ее поющие фонтаны – это тоже я. Они разноцветными струями взмывают ввысь, и теплая ночь наполняется звуками классической музыки и яркими брызгами; и кажется, что леишь над горой Монтжуик невесомым легким счастливым облачком.

Не знаю, рассчитывал ли кто-нибудь плотность цветочных лавок на квадратный метр пространства. Но уверена, что Барса легко выиграла бы в этом конкурсе. Ее улицы полны цветов. Прекрасный сад – вот что такое плас Рамбла.

Мне нравилась архитектура Барселоны, только в Эшампле³ я поняла: дома и улицы могут не подавлять, а открываться навстречу; в них просто входишь, как в теплые волны, и плывешь, покачиваешься...

Мне нравились барселонцы, с их вечными посиделками в кафе за бесчисленными тапас⁴, с их фиестами и дурацкими кровавыми корридами. Конечно, зрелище мертвого быка, истекающего кровью, – это не самое лучшее, что я видела в жизни. Но как испанцы боготворят своих матадоров! Они знают их биографии, они помнят, как звали быков, ловко увернувшихся от мулеты и пырнувших рогами отчаянных смельчаков! Такая пылкая любовь вызывает как минимум уважение...

А вечерами по улочкам кружит мелодия фламенко. Перед каждым кафе танцуют черноволосые девушки в алых юбках, и сердце начинает стучать в унисон кастаньетам, и аромат любви разлит в воздухе, сладкий, терпкий, желанный...

Честное слово, Барселона – лучшее место в мире. Этот город создан для романтики и страсти. Думаю, я бы погибла в нем от одиночества, если бы не познакомилась с Хосе...

Помню его мягкие требовательные губы. Я наслаждалась поцелуями. А он никогда не баловал меня ими долго, быстро возбуждался, срывал с нас одежду... Только в первый раз, который вообще стал для меня первой близостью с мужчиной, Хосе так удивился и растрогался, что целовал каждую клеточку моего тела. В тот день я задержалась на «процедурах», Мария Дмитриевна подозрительно засопела, и впредь нам пришлось не увлекаться ласками. Жаль... Долгая неторопливая нежность зажигала мое тело страстью. Наверное, если бы не поспешность Хосе, я стонала бы от настоящего оргазма...

Я радовалась тому, что со мной такой парень. Но даже мысленно всегда старалась называть его «любовник», и никогда – «любимый». Во мне было столько счастья; от того, что я наконец стала женщиной; от того, что мой первый мужчина – яркий красавчик. И я уже начинала себя готовить к разрыву. Какое будущее может быть у нас? Разве Вадим

² Храм Святого семейства, основная работа архитектора Антонио Гауди.

³ Квартал города в стиле модерн.

⁴ Национальные закуски.

позволит мне выйти замуж; в таком, как он считает, юном возрасте, за иностранца, за бармена? Нет, конечно! Поэтому надо просто радоваться тому, что есть. Этим двум неделям моря, солнца и любви. Этим карим глазам и нежным пальцам...

Вообще-то Хосе снимал небольшую студию в Ситджесе. Но в Барселоне жил его дядя, и Хосе любил увозить меня туда, в огромный особняк из серого закованного камня, наполненный диковинными старинными предметами.

— Дядя сейчас в отъезде. Он у меня занимается политикой и часто уезжает. Я в таких случаях присматриваю за его домом, — объяснил Хосе, наслаждаясь моими изумленными возгласами.

Увидев этот домище, я перестала волноваться насчет того, что из-за пылкого романа мой любовник вылетит с работы. Менеджер по персоналу в нашем отеле предупредил Хосе, что брать отпуск в разгар туристического сезона неосмотрительно и что на такое место всегда найдутся желающие. Но чтобы иметь возможность проводить время со мной, Хосе все-таки отпросился на две недели, и я переживала, что после моего отъезда возвращаться парню будет просто некуда. Впрочем, с такими родственниками поиск новой работы не должен стать проблемой. Дом дяди Хосе напоминал музей; множество картин, скульптур, антикварная мебель...

Но больше всего меня изумляла не новая страна, не устроенный быт, а эмоции. Как сильно и до глубины души Хосе умел радоваться! Радоваться всему — мне, нашим отношениям, жгучему солнцу, сочному апельсину. Это было абсолютное совершенное счастье ребенка, который еще не узнал ни боли, ни разочарований.

— Мы поселимся с тобой в Барселоне, — мечтал он, перебирая мои волосы. — А в феврале я буду увозить тебя в сады, где цветет миндаль. Это потрясающее зрелище, море розовых цветов... У нас с тобой будет трое детей. Две девочки, такие же хорошенькие, как ты. И мальчик, сильный, смелый...

Он хотел жить со мной! Такой красивый. А у меня попа, которая втискивается в брюки минимум сорок шестого размера, и три ужасные валика-складки на животе, а грудь такая маленькая, что просто обидно!

— Я буду любить тебя всю жизнь, буду заботиться о тебе. Мне всегда нравились русские туристки, но только при встрече с тобой я понял — ты и есть именно та принцесса, которую я всегда искал...

Я таяла, любила, страдала от неотвратимо приближающейся разлуки. Но даже и поверить не могла, что она станет вечной.

В принципе, уже через пару дней после знакомства Хосе стал намекать:

— Малышка, скоро я проверну одно очень выгодное дельце. Если все сложится так, как я планирую, о деньгах мы сможем не беспокоиться всю оставшуюся жизнь!

Сначала я не придавала этому особого значения. Как и все испанцы, Хосе был очень эмоциональным. Я еще до нашего знакомства отметила: здешние мужчины готовы обещать своим женщинам золотые горы. Не знаю, исполняются ли эти обещания. Но мы с Марией Дмитриевной, проходя мимо ювелирного магазина, как-то видели такую сцену — парень, упав на колени, темпераментно уверял свою девушку, что купит ей и кольцо с бриллиантами, и колье, и серьги; но все алмазы мира никогда не смогут затмить красоту его королевы. Выглядел он, конечно, безумно влюбленным, но не особенно-то платежеспособным, что его совершенно не смущало.

Мне казалось, что так хвастаются и преувеличивают все испанцы.

Однако Хосе, как позже выяснилось, не выдавал желаемое за действительное. У него на самом деле имелась возможность получить много денег...

— Моя дальняя родственница была любовницей Пикассо, — сказал он, приставляя к книжной полке высокую лестницу. Голос у него при этом был такой спокойный, точно

парень обсуждает погоду. – Она жила в Париже, уехала туда вместе со своим отцом совсем крошкой, а потом трагически погибла... Все эти художники – сумасшедшие. Может, они и создают гениальные полотна, но не способны сделать счастливой свою женщину. Наша Долорес покончила с собой, бедняжка... Я знал об этом с раннего возраста, в семье Гонсалес та давняя история была чем-то вроде семейной легенды. Но не придавал особого значения. А вот когда дядя уехал, и я оказался в доме... Нет-нет, у меня не было никаких предположений и догадок. Я нашел это совершенно случайно, на чердаке. Там мяукал котенок, а вход на чердак не открывали, наверное, лет сто. Но мяукание сводило с ума, я выломал дверь. И вот...

В его руках появилась массивная тетрадь в толстой тисненой темно-бордовой обложке. Из нее торчали какие-то листки.

Закусив губу, Хосе осторожно зашелестел страницами.

Я едва сдержала разочарованный взглас.

Всего-то карандашные наброски на пожелтевшей бумаге!

Тожже мне ценность! Я понимаю, если бы Хосе обнаружил огромное яркое полотно, вроде тех, что я видела в центре Помпиду в Париже. А тут – какие-то черновики или как там это называется у художников?..

Сюжеты картинок глупейшие: вроде девушка, а у нее пол-лица – рыба. И опять женский профиль – почему-то пронзенный то ли серпом луны, то ли вырезанным полумесяцем куском сыра. Больше всего мне не понравился странный коллаж, в котором словно бы сливаются две реальности: мастерская художника и спальня девушки. Полная обнаженная девица, вульгарно раскинув ноги, лежит на постели. А в другой комнате находится художник, рисующий обнаженную наяду. Его кисть, как член, пронзает лоно девушки, и при этом у художника такое паскуднейшее выражение лица – невольно передергивает от омерзения!

– Это может стоить миллион «зеленых», – заявил Хосе. – Или, по крайней мере, много сотен тысяч долларов. Думаю дождаться приезда дяди. У него есть связи среди антикваров, он сможет выручить за альбом хорошие деньги. Возможно, если стану заниматься продажей самостоятельно – меня просто обманут... Скажут, что это не Пикассо, украдут рисунки... Я, конечно, в живописи ничего не понимаю. Но в Интернете кое-что глянул – его техника очень похожа на то, что имеется в этой тетради. Это точно рука Пикассо! И наша семейная легенда тоже все подтверждает. В этом доме находятся предметы, принадлежащие не одному поколению. Нет ничего удивительного, что и тетрадь с рисунками Пикассо нашлась именно тут! А насчет моего дяди ты не волнуйся, он не будет претендовать на рисунки. Все-таки обнаружил их именно я, а если бы не нашел – они бы истлели на том чердаке. И потом, у дяди свой бизнес, виноградники. Зачем ему мои деньги, если он не знает, куда девать собственные!

Я слушала своего любовника, понимая, что вроде бы мне надо радоваться.

Такой красавчик! Скоро будет богат. Говорит, что любит меня, что мы станем жить вместе.

Но где-то в глубине души разрасталась уверенность: увы, планы Хосе никогда не станут реальностью.

Я боялась ему поверить. Может, опасалась боли? Мне было некомфортно просто идти с ним рядом по улице. Казалось, все прохожие только тем и занимаются, что смотрят на нас и удивляются: как мог такой красавчик оказаться рядом с такой уродиной; может, он просто жиголо, и девчонка ему платит?..

Кстати, деньги тоже были проблемой. Хосе уверял, что скоро бросит к моим ногам миллионы. Но на самом деле у него не было и пары евро, чтобы рассчитаться за кофе. Я платила за все – за воду, за еду, за наши нехитрые развлечения. «Ты очень красивая девушка, Таня, – говорил мне мой брат Вадик. – Только немножко не для нынешнего времени, у тебя

другая, не модная теперь внешность, слишком серьезный характер. Я очень боюсь, что рядом с тобой окажется мужчина, который будет любить не тебя, а мои деньги...»

Не то чтобы я считала, что Вадик прав.

Неужели самое привлекательное, что во мне есть, – это деньги брата?! Ну уж нет, никогда в это не поверю.

Я не сомневалась, что где-то обязательно существует тот самый человек, который мне нужен; моя родственная душа, моя вторая половинка. Я смогу рассказать ему, не опасаясь насмешек, про все те книги, которые я прочитала; а он будет делиться со мной своими мыслями, и для нас не будет в мире ничего лучше, чем общество друг друга. Но только вот Хосе при всех своих достоинствах вряд ли является той самой родственной душой. Мы даже поговорить толком не могли, он не настолько хорошо знал английский, я почти не говорила по-испански... Тут невольно начнут появляться подозрения, что парню нужна не я, а моя банковская карта...

Но все равно, несмотря на все эти грустные мысли, я чувствовала себя ослепительно счастливой!

У меня никогда не было таких потрясающих каникул, такого красивого парня!

В тот день, когда с Хосе случилась беда, мы не пошли ни на пляж, ни в кафе.

Раскаленное солнце приклеилось к небу с самого раннего утра и распространяло душные облака жгучего воздуха. В тени высоких домов было чуть прохладнее, но стоило только высунуться на свет – и все тело оказывалось в сауне обжигающего пара.

Промокнув от пота за те пару секунд, которые ушли у нас на то, чтобы добежать от машины до подъезда особняка, мы поднялись по приятно-прохладной лестнице. Я уже предвкушала поворот ключа, ледяной душ, холодок кондиционированного воздуха на влажной коже, поцелуи Хосе, возбуждающие прикосновения и объятия...

– У нас нет ни капли воды, – вдруг воскликнул мой любовник. – Дай мне свою карту, я сбегаю в магазин.

Не то чтобы я ему не доверяла.

Просто Вадим так меня воспитал – нужно всегда быть настороже. Не надо подвергать Хосе соблазнам с банковской карточкой!

– Ты принимай душ, я сама схожу за водой, – вдохнула я, с ужасом представляя плетки зноя, которые уже скоро исхлещут тело пекучими ударами.

– Жду тебя. Дверь будет открыта, – он многозначительно улыбнулся и лукаво посмотрел на меня. – Приходи скорее, я уже сгораю от нетерпения...

Ближайшая лавочка, по закону бутерброда, оказалась закрытой. Мне пришлось тащиться в супермаркет, а он находился минутах в двадцати ходьбы от дома Хосе.

– Я купила твою любимую минералку, и сок, а еще пива, – радостно защебетала я, оказавшись наконец в прихожей. – А почему ты не включил кондиционер, и...

Это какое-то странное кино, страшное, неправильное.

Нет, так не бывает!

В гостиной на полу лежал Хосе, из его груди торчал нож. По белой футболке расплзлось ярко-алое пятно. Оно было таким ярким, что я... улыбнулась.

– Хосе, хватит прикалываться. Ты хотел меня испугать, тебе это удалось, и...

Его ресницы дрогнули. Ну конечно: не может удержаться, слишком велика охота посмотреть на мою перепуганную физиономию!

Я начинаю хохотать:

– Отличный розыгрыш! Только вот майка от кетчупа не отстирается!

– Таня... послушай...

Я сразу похолодела.

Он говорил с какими-то жуткими хрипами, напоминающими скрип двери. И на губах показалась розовая пена.

– Таня, послушай... Я ему сказал – рисунки в моей квартире в Ситджесе... Я думал обмануть его, выиграть время, убежать. А он вдруг пырнул меня ножом...

Рисунки, ах да, рисунки!

Да будь они прокляты, те каракули Пикассо!

Неужели мой мальчик умирает?

– Хосе, миленький, как у вас вызвать» Скорую помощь»? – пролепетала я, опускаясь перед ним на колени.

Он молчал, только смотрел на меня, с такой болью и любовью, что я вдруг поняла – поздно, все врачи мира не помогут; мой мужчина сейчас умирает, как глупо, как страшно.

Как красиво...

Красиво.

Смерть Хосе к лицу.

Я смотрела на его длинные черные ресницы, оливковую кожу – и любовалась им так, как, наверное, никогда раньше не любовалась.

Теперь этот прекрасный парень принадлежал только мне.

Я, как ни странно, все-таки стала самой главной женщиной в его жизни. Той, будучи с которой, он из этой жизни ушел.

И вот теперь уже ничего не важно – ни моя попа сорок шестого размера, ни деньги Вадима.

Я сидела рядом с Хосе и чувствовала, что люблю его сильно-сильно; что он мне ближе, чем был в минуты физической близости...

Раздавшийся где-то внизу звук сирены отрезвил меня.

Надо же вызвать полицию!

Надо вызвать полицию, но...

Хосе-то уже не поможешь. Какая разница, кто пырнул его ножом – от выяснения конкретной персоналии мой любимый мальчик не оживет. Но я-то пока еще жива...

Я смотрю на высокий книжный шкаф.

Всего-то и усилий – подставить лестницу и вытащить с верхней полки стоящую за книгами тетрадь.

Та мазня стоит кучу денег. Но для меня настоящую ценность представляет только одно – свобода от Вадима.

Я быстро достаю альбом с рисунками Пикассо, засовываю его в рюкзак. И, поцеловав застывшие губы Хосе, сбегая вниз по ступенькам.

У меня в голове возникает мешанина из кадров детективных сериалов и страниц криминальных книг.

В доме полно моих отпечатков.

Нас явно кто-то видел вместе, мы заходили в ближайшние кафе, заезжали на заправки. После первого же опроса жителей квартала у полицейских появится описание моей внешности.

А друг Хосе, тот самый доктор, помогавший дурачить мою цербершу! Он знает, в каком отеле я остановилась. И полиция может добраться до меня в два счета. Как я им объясню, почему бросила Хосе с ножом в груди? Как вообще докажу, что это не я его убила из-за той самой роковой тетради?

До нашего отъезда в Москву оставалось еще три долгих дня. Я провела их как на иголках.

И только когда самолет оторвался от земли и взмыл в наполненное сливочными облаками небо, я наконец поверила – обошлось, никто меня не поймает и ни в чем не обвинит.

На моих коленях – рюкзак с тетрадью.

Я не положила его в ящик для багажа, расположенный над сиденьями, отказалась запихивать под кресло. Бумага выглядит ветхой, кажется, неосторожное прикосновение – и она рассынется в пыль. Но я не хочу, чтобы моя свобода от брата рассыпалась. Я буду очень и очень осторожна.

Не знаю, как и где искать покупателя на рисунки Пикассо.

Знаю только, что у меня все получится. Игра стоит свеч.

Я буду просто жить, жить! Так, как считаю нужным, без Вадькиных приказов, без сурово поджатых губ Марии Дмитриевны...

Глава 1

Париж, 1944 год, Долорес Гонсалес

– Мари... Воды, умоляю... Жаклин! Ты дашь мне попить, старая шлюха? Жанет, черт тебя побери, я хочу промочить горло! Эй, кто-нибудь?! Есть тут кто-нибудь, кроме этого стада белых козочек?! Пожалуйста, помогите! Мне так плохо...

Уловив миролюбивые нотки в голосе отца, Долорес Гонсалес сменила гнев на милость, вытерла салфеткой запачканные краской руки и подошла к кувшину с водой.

Этого и стоило ожидать: у папы уже начался бред. Допился! Стада белых козочек, надо же!

Итак, теперь все как обычно; к сожалению – ритуал.

Налить стакан, подать этому старому алкоголику.

Успеть увернуться, когда он, с грязными ругательствами, швырнет посуду в свою благодетельницу.

Не раздражаться, сохранять спокойствие. Хотя смотреть на него, давно не мывшегося, лежащего в грудe тряпья (бывшего, кстати, когда-то нарядным пальто, атласными жилетами и белоснежными сорочками), ужасно противно.

Конечно, отец пьян. Он всегда пьян и уже совершенно не понимает, что происходит вокруг. Мари, Жаклин; вся эта вереница продажных женщин, громко величающих себя музами художника, а на самом деле отправляющихся в постель за бокал вина и нехитрую еду, – они уже давно переметнулись к другим. К тем, у кого есть хотя бы пара франков. У отца же денег нет вообще, и это неудивительно. Он не работает. Не пытается продать даже готовые холсты, сваленные в грудy в углу мастерской. Картины скоро сгниют от сырости, а отец только пьет, пьет...

– Будь проклят этот «Улей»⁵, – пробормотала Долорес, снова подходя к подрамнику. – Здесь всегда найдутся друзья, которые готовы налить вина и дать кусок хлеба. Казалось бы, чем плохо – друзья?.. Но выясняется – все-таки плохо. Потому что в этом дружеском пьянстве и всеобщем блуде на самом деле вовсе не до работы. Не могу понять, как тут не спились Сутин, Шагал и Модильяни! Отсюда вырываются единицы. В основном же здесь погибают, как в болоте. Мой отец погибает. А ведь как все хорошо начиналось...

Она горько вздохнула, чуть улыбаясь нахлынувшим воспоминаниям. И в уголках губ высокой девушки, одетой в заляпанный маслянистыми пятнами балахон, обозначились ранние морщинки.

Пережить ей и правда довелось немало...

Родная Каталония в памяти Долорес почти не сохранилась.

Разве что трепетал там огромный синий плащ моря, весь в белых барашках; он бился о прибрежные светло-коричневые скалы, укрывал широкой полou желтый песок.

А еще – мольберты, огромные, закрывающие солнце. То есть тогда, конечно, было не понятно, что это мольберты. В те далекие дни казалось, – какие ужасные нудные штуки; почему и мама, и папа так долго простаивают за ними?! Ведь лучше взять красный мяч и пойти купаться, а потом отправиться в таверну и прилежно, как птенец, открывать ротик. В таверне подают вкусную жареную костистую рыбу, папа ее чистит и кладет кусочки в рот то жене, то дочери...

– Твоя мать умерла внезапно, – рассказывал уже в Париже немного повзрослевшей Долорес отец. – Она никогда не болела, была полна сил, энергии, идей. Она больше всего на свете стремилась перебраться во Францию! Мы как художники взяли в Барселоне все,

⁵ Дом в Париже, где жили и работали художники.

что могли взять. Но нам хотелось развиваться, учиться, идти вперед. В Каталонии хорошо рождаться, впитывать в себя жгучее солнце, дышать соленым морским воздухом; запоминать, какими яркими могут быть краски. Но потом из наших мест надо уезжать. Только в Париже талант может проявить себя, показать, на что он способен. Врач сказал, что у Мерседес остановилось сердце. Не могу поверить, твоя мать никогда не жаловалась даже на легкое недомогание. После ее смерти делать на родине мне стало совсем нечего. Каждый пляж напоминал мне Мерседес, каждые улицы и кафе...

Можно поменять все в своей жизни. Ходить по другим улицам, сидеть в других кафе, ставить мольберты на других пляжах.

Но только, должно быть, все равно от себя не убежишь. И от своей боли.

«Насколько я помню, после переезда дела у отца пошли на лад, – вспоминала Долорес, закрашивая темно-красной краской большое пространство холста, уже позволяющего угадать очертания натюрморта: желтые яблоки и кувшин с водой. – Работы Диего Гонсалеса скоро стали модными. Сначала мы снимали мастерскую здесь, в «Улье», однако очень быстро доходы позволили перебраться в центр, на рю Буасси д'Англе, что в двух шагах от площади Согласия. Отец работал как одержимый. Его картины в манере импрессионистов завораживали; он сумел взять все самое яркое из их техники: цвета, сюжеты, настроение... Папин агент начал подписывать один договор за другим. Лучшие галереи Парижа, Вены, Берлина хотели продавать Гонсалеса. Особенно бурно отец отмечал свой успех за океаном. Он так увлекся, что не смог написать тех работ, которые заказали галереи в Нью-Йорке. С этого ужасного хмельного загула и началось наше падение. Скоро еще и импрессионизм наскучил публике, а по-другому рисовать отец не умел. От непонимания, конечно, надо пить вино, с утра до вечера! Теперь, когда началась война и Париж оккупирован, стало совсем туго. Если нет хлеба, картины никого не интересуют. Я рисую за такие гроши, что их едва хватает на еду, и...»

Она повернула голову на открывшуюся с истошным скрипом дверь и вопросительно вскинула брови.

Из большого окна мастерской лились лучи солнца. Облачка золотистой пыли окутывали возникшую на пороге невысокую фигуру старика; лысого, морщинистого; впрочем, с несвойственными его возрасту порывистыми движениями.

– Что угодно, месье? – ледяным тоном осведомилась Долорес, откладывая кисть.

«Знаем мы этих неожиданных посетителей. Сейчас выяснится, что это очередной друг отца и им надо пропустить пару стаканчиков за встречу, а потом папа будет опять просить воды и пугать меня своими видениями!» – пронеслось в черноволосой головке.

– Теперь я уже даже не знаю, что мне угодно, – отозвался старик. Голос у него тоже был очень молодой, звонкий и энергичный. – Я вижу, вы художница? Извините, но ваша работа по сути своей отвратительна! Хотя у автора способности есть, бесспорно, есть. Думаю, дитя мое, если вы будете упорно работать, из вас выйдет толк. Только здесь, позвольте-ка...

Калейдоскоп череды совпадений мгновенно складывает свою картину.

Вот солнце скрывается за тучами, и все предметы обстановки обретают обычную четкость.

Старик оказывается рядом, хватает кисть. И буквально парочка нанесенных им мазков преобразует скучный натюрморт, делая его настоящим произведением искусства. Хотя, конечно, оценить такую красоту сможет скорее художник, а не заказчик, решивший украсить свою столовую обычной банальной мазней.

Впрочем, с учетом того, в чьих руках кисть, это совершенно не удивительно...

– Да вы же – Пикассо! – вырывается у Долорес, вмиг ставшей пунцовой. Непонятно, как в мастерской оказался такой знаменитый художник – а у нее немытые волосы, грязный

балахон, да еще и пьяный отец бревном валяется в углу... – Как же я вас сразу не узнала! Простите, солнце было слишком ярким. Я растерялась, рассердилась...

По красноречивым гримасам на загорелом лице было понятно: гость, заметивший храпящего в углу мастерской отца, собирался сказать что-то ехидное. Но – передумал, махнул рукой и весело поинтересовался:

– Так вы, значит, увлекаетесь живописью, мадемуазель?

Долорес кивнула. От волнения слова застревали в горле. В другой ситуации она бы объяснила, что увлекаться – это не совсем правильное определение. Вернее было бы сказать – она живет в живописи, потому что картины заполняли весь мир с самого детства, писать доставляет огромное удовольствие, а еще это пусть и скромный, но кусок хлеба.

Однако теперь же девушка была слишком взволнована. И просто низко наклонила голову.

– Тогда, наверное, вам будет интересно взглянуть на мои работы. Приходите завтра на улицу Великих Августинцев, буду ждать, – проговорил Пикассо, не спуская с девичьего личика заинтересованного взгляда. – Какая у вас необычная выразительная внешность. Вы молоды, но в чертах уже виден характер.

Охрипшим голосом Долорес отозвалась:

– Спасибо за приглашение, приду обязательно. Но... зачем вы заглянули к нам? Вы знаете моего отца? Его зовут Диего Гонсалес.

Пикассо пожал плечами:

– Гонсалес... Да нет, не припоминаю. Извините, но это имя мне ничего не говорит. А пришел... деточка, вы этого еще не сможете понять. Есть такое слово – ностальгия. В этой мастерской когда-то работал Шагал, мы неплохо проводили тут время.

«Какой же все-таки он странный человек, – пронеслось в голове девушки. – Почему-то у меня возникает чувство, что мы знакомы давно и даже являемся добрыми друзьями. Только что я робела, осознавая – рядом со мной стоит сам Пикассо. И вот уже от волнения нет и следа».

Долорес кивнула:

– Да, я знаю про Шагала. А этажом выше трудился Сутин. Говорят, когда он писал своего быка, притащил в мастерскую настоящую тушу. А вы же видите, какие тут полы: щели между досками огромные, зимой ветер так и гуляет! Кровь быка протекла, закапала на мольберт Шагала. Тот перепугался, вызвал полицию, кричал как сумасшедший: «Сутина убили!» Потом над ним все тут так смеялись.

– Я знаю эту историю. Но не хотелось вас лишать удовольствия ее рассказать. Да, славные были времена! А впрочем, старых друзей я не люблю. Вам этого тоже пока еще не понять. Знаете, в лицах приятелей юности видишь отпечаток безжалостного времени; память хранит совсем другие черты, еще не разрушенные жестокой жизнью... Ну так я жду вас завтра! До скорого, мадемуазель!

– Невероятный, – прошептала Долорес в закрывшуюся уже дверь. – Какой же он все-таки невероятный, интересный, притягательный...

Разумеется, в тот день натюрморт был решительно заброшен. Остаток вечера Долорес провела у небольшого зеркала, примеряя то платья, то шляпы. И все сидело ужасно, и все было не новым, и от этого настроение портилось еще больше.

Зато спалось девушке превосходно. Долорес видела во сне «Гернику»⁶ и портреты Доры Маар⁷, уже в искаженной манере. И рассматривать их можно было восхитительно долго, наслаждаясь каждым нюансом. Правда, под утро в сон пришли нацисты и стали кри-

⁶ Известная работа Пабло Пикассо.

⁷ Одна из спутниц-муз художника.

чать, что Пикассо – это представитель дегенеративного искусства. Даже во сне спорить с оккупантами было страшно. И, в общем, особо-то и не хотелось. Зачем говорить с людьми, которые не понимают: Пикассо как художник велик, в его творчестве представлено множество направлений живописи; он новатор, творец и просто очень свободный в своей безграничной фантазии человек. И он – настоящий профессионал! Как часто художник предлагает новое от безысходности, неумения работать в академической манере... Взять того же Малевича – его работы, которые он пытался выполнять по принципам классической живописи, унылы и невыразительны. Ему пришлось предлагать публике что-то новое, подводить философию под свою псевдоабстракционистскую мазню. Но не таков Пикассо! В каталогах есть его работы, сделанные в академической манере всего в пятнадцать-восемнадцать лет. Такие холсты можно вешать рядом с полотнами Рембрандта и Рафаэля, и они будут выглядеть достойно. И вот, блестяще изучив и освоив классическую школу, Пикассо уничтожил ее, придумал свои правила для живописи, свои законы. Он делает это всякий раз уже много лет, не боится начинать все с нуля, его работы с годами становятся все проще и выразительнее... Да, побывать в мастерской такого художника – большая честь, очень важное событие!

Утром, умытая, причесанная, одетая в ярко-зеленое свободное платье из струящегося шелка, с восточным тюрбаном на голове, Долорес уже стучалась в массивные двери дома на улице Великих Августинцев.

Но когда дверь открылась, сердце девушки спикировало в пятки.

По дороге она столько раз прокручивала в голове одну и ту же сцену: стук в дверь, и на пороге появляется Пабло Пикассо, и глаза его горят от восхищения.

Но вот сейчас дверь открыл какой-то странный человек с подозрительным взглядом из-под стеклышек очков, длинным носом, плотно сжатыми губами-ниточками. Наряд он явно не оценил – пробежался глазами по яркому шелку и скривил рот.

– Мне нужен месье Пикассо, – прошептала Долорес, проклиная себя за все сразу – за экзотическое платье, за глупые мысли, за торопливость, с которой она летела к Великим Августинцем.

Неужели Пикассо просто пошутил? Дал неправильный адрес? С него, в принципе, станется; Париж полон слухов о его розыгрышах...

– А вам назначено? – кольнул вопросом незнакомец. Пожав плечами, Долорес неуверенно кивнула.

Мужчина махнул рукой и посторонился, давая гостье возможность пройти внутрь.

Уже в прихожей было от чего прийти в восторг! Огромные окна пропускали в помещение яркие струи света. По бокам от солнечных водопадов стояло множество кадок с большими диковинными растениями, а еще клетки с птицами. Цветы благоухали, птицы радостно щебетали, и все волнение Долорес мигом улеглось, а на душе стало спокойно, как будто бы она попала в рай.

Из благостного оцепенения ее вывел голос неприятного мужчины, проскрипевший:

– Следуйте за мной.

– Некоторые из этих растений я совсем недавно видела на портрете Доры Маар. Он висел в галерее, несмотря на запреты нацистов, – пробормотала Долорес, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Во взгляде ее спутника промелькнуло уважение, но девушка этого не заметила, была поглощена рассматриванием обстановки.

Как чудно живет месье Пикассо!

Вот в его апартаментах имеется длинная комната, а в ней – несколько диванов и кресел в стиле Людовика XIII. На них разложены гитары, мандолины и какие-то другие диковинные инструменты, встречающиеся на полотнах Пикассо периода кубизма. Длинный стол посередине комнаты завален шляпами, обувью, кристаллами. А под ногами – господи, так ведь

и споткнуться недолго! – лежит отлитый из бронзы череп. Прекрасная розово-зеленая весна выделяется ярким пятном на мрачной палитре стены. Должно быть, это картина Матисса; говорят, они с Пикассо – большие друзья...

Вслед за секретарем по винтовой лестнице, расположенной в углу длинной комнаты (оказывается, в квартире Пикассо целых два этажа, бывают же такие чудесные апартаменты!), Долорес поднялась наверх. И замерла.

Возле лестницы стоял Пабло, именно такой, каким она себе его и представляла – с сияющими глазами, приветливой улыбкой. И он ждал ее, это было невозможно не почувствовать! От художника словно бы исходило теплое облако любви, трогательной, беззащитной и... неуверенной.

«Ах да, он же намного старше, годится мне даже не в отцы, а в дедушки. Поэтому и волнуется, и переживает. Я намного моложе его спутницы Доры, и Пабло, наверное, думает, не откажу ли я ему из-за возраста, – промелькнуло в голове Долорес. – Ну и пусть, все равно. Я уважаю этого художника, боготворю его творчество...»

* * *

– Я нахожусь в раю. Я смогу жить в этом раю всегда! Как же здесь здорово! – воскликнула Лика Вронская, вылавливая из надувного бассейна крошечный листик. – Снапи, Дарина! Вы случаем не заболели? Почему не купаетесь?

Рыжего голден-ретривера и четырехлетнюю доченьку дважды уговаривать не пришлось: они наперегонки помчались к воде, бросились в бассейн, и солнце раскрасило капельки разлетающихся брызг во все цвета радуги.

Это было так красиво, что Лика опять простонала:

– Господи, спасибо! Это же настоящий рай!

Она твердила эти фразы как заведенная вот уже ровно месяц. Практически с того самого момента, как бойфренд вернулся домой после работы и с довольным видом заявил: «У меня для тебя сюрприз!» «Форма одежды – парадная?» – уточнила Вронская, не сомневаясь: Андрей наконец-таки собрался пригласить ее в японский ресторан. Там, конечно, и в помине нет кровавых стейков, только рис с сырой рыбой, который почему-то совершенно не уважают парни, но обожают девушки. Однако надо ведь считаться и с девичьими кулинарными предпочтениями! Особенно если речь идет о любимой женщине, терпеливо посещающей за компанию спорт-бары – и это при том, что она ненавидит футбол! «Форма одежды – свободная. А еще лучше – дачная», – сообщил Андрей, довольно улыбаясь. «Значит, кто-то из друзей пригласил на шашлыки, – прикидывала Лика, натягивая джинсы. – Несколько поздновато для ужина. Странно, что в будний день. А впрочем, все равно хорошо, сюрприз удался. Я-то думала: придет любимый с работы, опять уткнется в свои документы. А я, как обычно, стану писать книжку или статью. Мы много работаем, и нам это нравится. Но как же приятно вот так неожиданно бросить все дела и сделать паузу!»

Через полчаса серебристый «Мерседес» Андрея уже резво мчался по как ни странно свободному Ленинградскому шоссе. Еще через полчаса Лика забеспокоилась: коттедж друзей, живших в этом районе, остался позади, а Андрей и не думает сбрасывать скорость.

«Потерпи, сейчас все увидишь своими глазами», – повторял любимый вместо ответов на все вопросы. Но потом все-таки не выдержал и признался: давным-давно, когда стоимость земли в Подмоскovie еще не приближалась к цене самолета, ему удалось купить участок недалеко от столицы. Он много лет пустовал, затем появились настроение и возможности построить дом. Долгое время он стоял в законсервированном состоянии, без внешней и внутренней отделки. «Но после знакомства с тобой и Дариной я стал человеком семей-

ным⁸. Как-то поймал себя на мысли, что мечтаю о лужайке, на которой будут играть дети и собаки, – говорил Андрей, не отрывая глаз от дороги. – Пришло время привести дом в порядок и пользоваться им. Год назад я заказал проект дизайнеру, Вадиму Липину. Очень толковый парнишка попался, нарисовал все в лучшем виде, он же следил и за ходом отделочных работ. Потому что с нашими строителями приходится держать ухо востро; мало объяснить, как именно следует сделать работу, – надо еще и постоянно контролировать качество. Зато теперь на нашей фазенде есть все: газ, горячая вода, канализация. То есть наш домик – это не летний вариант, там запросто можно жить круглый год. По ландшафту на участке сделали пока немного – газон, пара клумб. Это я специально так решил, особо не размахиваться в этом направлении. Думаю, тебе ведь и самой захочется заняться обустройством, цветы посадить. Я уверен, переезд много времени не займет, там все уже практически готово. Дом обставлен бытовой техникой, мебелью, я даже шторы заказал, на днях будут готовы. По большому счету, нам надо перевезти только одежду и какие-то мелочи, к которым мы привыкли. Эй, – Андрей опустил ладонь на Ликино колено, – ты что, язык проглотила? Скажи что-нибудь!» «Я рада, конечно. Только все это очень неожиданно. Водитель, не отвлекайтесь от дороги! Потом потрогаешь мои эрогенные зоны. Я пока явно не склонна к разврату...» – пробормотала Вронская, пытаюсь осмыслить информацию.

Итак, у них теперь, как выясняется, есть дом. Километрах в ста от Москвы. И Андрей намеревается туда переехать.

Нормальная новость... Мог бы, конечно, и посоветоваться для приличия. Хотя тогда не получилось бы такого сногшибательного сюрприза. Вот только приятного ли?..

Ладно, пока эмоции оставляем за скобками. И пытаемся оперировать исключительно логикой.

Подъезд к коттеджу с Ленинградки – большой минус, как правило, это направление всегда забито. Если перебираться за город и оставлять московскую квартиру – то как быть со школой Дарины, постоянно продираться через жуткие пробки? Хотя, конечно, ребенку в первый класс предстоит пойти только через несколько лет. Но ведь мамы всегда должны все учитывать заранее! А если вдруг что случится со здоровьем – приедет ли в загородный дом «Скорая помощь»? А как быть со встречами с подружками, с походами по магазинам? Конечно, рабочий журналистско-писательский график теперь не требует постоянных поездок в Москву. Редактор газеты давно разрешает присылать статьи по электронной почте и появляться в офисе только в день зарплаты. В издательство можно заезжать и того реже – подписать какие-нибудь акты по допечаткам романов, утвердить макет обложки к новой книге. Но все-таки порой ведь надо встретиться с собеседником для интервью, потусоваться со следователями и оперативниками. Все технические подробности, нужные автору детективных романов, уже давно выяснены у приятелей, работающих в системе правоохранительных органов. Но только постоянное общение с полицейскими и судмедэкспертами позволяет придумывать сюжеты, детективная фабула в которых близка к реальной жизни...

Все эти моменты комплексно позволяют сделать только один вывод – в паутине мегаполиса находишься настолько плотно, что любое дерганье приведет к кардинальным изменениям в жизни. А так ли уж оно надо? Ломать многолетние привычки ради чего? Зловредных комаров, бытовых и транспортных проблем?! По крайней мере, в городе, если срывает кран – то просто снимаешь трубку и вызываешь сантехника. Кого вызывать в чистом поле, в деревне? Есть вообще хоть какие-нибудь преимущества в загородной жизни?

⁸ Более подробно о начале отношений Лики Вронской и Андрея Ермоловича см. роман О. Тарасевич «Подарок Мэрилин Монро». Отец дочери Лики Вронской – трагически погибший музыкант Влад Резников, см. роман О. Тарасевич «Роковой роман Достоевского».

«Мои родители уже давно обустроили дачу и уехали из Москвы, – рассуждала Вронская, разглядывая проносящиеся за окнами особняки, один другого помпезнее и безвкуснее. – Но им же всегда было в кайф на грядках покопаться! Они давно стремились к такой спокойной жизни, и теперь просто наслаждаются, что на пенсии у них наконец появилась возможность заняться тем, к чему душа лежит. Я к своему тридцатнику много чего успела – газету раскрутила, кучу книг написала, ребенка родила. Но вот садоводство – это никак не мое, да я ни одного цветка в своей жизни не взрастила. Не хочу я в земле ковыряться, мне аккуратный маникюр нравится! А как я обойдусь без тренажерного зала и парикмахерской, к которым привыкла? Мне надо подкрашивать корни раз в три недели; быть блондинкой – хлопотно! А если еще в том доме, куда меня везет Андрей, нет Интернета – то проще сразу застрелиться; я не смогу работать и просто сойду с ума!»

Впрочем, паника очень быстро сменилась искренним восхищением.

Коттеджный поселок, где находился дом Андрея, располагался далеко от трассы, за небольшим лесом, вдоль которого вилась светло-зеленая лента ржи. Ветерок, пробегая по колосьям, гнал легкие волны вперед, к огромному сиренево-оранжевому закатному небу.

Сочетание цветов – насыщенная зелень сосен, салатная рожь с васильками и маками, падающий за горизонт красный диск солнца – оказалось настолько ярким и гармоничным, что им хотелось любоваться вечно.

Андрей выключил кондиционер, открыл окна, и салон машины омылся прекрасным прохладным воздухом, пахнущим зеленью и хвоей.

Коттеджный поселок был обнесен забором, на въезде располагались будка охраны и шлагбаум.

«По крайней мере, здесь следят за безопасностью, – удовлетворенно подумала Вронская, вертя головой по сторонам. – Где же наш домик? Скорее бы его увидеть! Как хорошо, что это не тот ужасный замок... Останавливаемся, ура!»

– Осторожнее! – воскликнул Андрей, когда Лика быстро вышла из притормозившей машины и пошатнулась. – Тут очень много кислорода, голова с непривычки кружится. И вообще, ты слишком рано выскочила, я мог бы завезти тебя прямо на территорию участка.

Неожиданно раздался негромкий скребущий звук, и Лика, одобрительно разглядывающая двухметровый каменный забор, вздрогнула, перевела взгляд на отодвигающиеся ворота.

Они отъехали в сторону, и сразу стало можно рассмотреть просторную парковочную площадку на несколько автомобилей.

– А вот и первое преимущество загородной жизни! – почему-то она обрадовалась этой площадке как ребенок. – Не надо думать, куда приткнуть машину в забитом дворе! У нас собственная отличная парковка, есть место и для наших машин, и для авто гостей!

Пройдя на участок (довольно большой, по виду соток двадцать), Лика ахнула от восхищения.

Снаружи дом казался изумительным: не вычурным, но добротным и стильным. Просторный двухэтажный коттедж был покрашен в охрово-песочные тона, с которыми прекрасно сочетались коричневая черепичная крыша и выложенное коричневой плиткой крыльцо. А еще в доме были просто огромные окна. Часть стен на первом этаже и часть на втором вообще состояли из немного тонированного бежевого стекла – и это выглядело невероятно эффектно.

– Ключи! Скорее, – она затормошила Андрея, с явным удовольствием наблюдавшего за ее восхищением. Пулей взлетев по лестнице, Лика щелкнула замком и распахнула дверь. – Ого! Какой просторный холл... Отличная кухня со столовой зоной! И гостиная такая классная! Балдею от освещения... Все эти лампочки в потолке, бра в нишах... Классненько!

– А наверху – детская, спальни, комнаты для гостей, – Андрей схватил Лику за руку и потащил к лестнице с коваными перилами. – Скажи, правда же я здорово придумал с дизай-

нером? Даже не ожидал, что в этом доме окажется столько места, строился-то он сто лет назад безо всяких изысков. Но Вадик – большой мастер, настоящий профессионал. Проект обошелся в кругленькую сумму, чуть ли не как весь ремонт. И потраченных денег совершенно не жаль, делай я все сам, никогда бы не предусмотрел столько мелочей.

В ответ Лика кивнула. От восторга слова просто иссякали – настолько продуманно и стильно было все вокруг спроектировано и отделано.

За одной из дверей неожиданно обнаружился тренажерный зал – с беговой дорожкой, машиной Смита, гантельной стойкой.

– А то! Мы же с тобой – люди спортивные! А внизу есть еще и сауна, – прокомментировал Андрей Ликины восхищенные возгласы. – Ну скажи, где в городе ты получишь такой комфорт, простор и такую природу! Да, нам придется тратить больше времени на дорогу, но игра стоит свеч. Я понимаю, ты напрягаешься по поводу переезда; боишься, что не сможешь привыкнуть к здешней жизни. Поверь, пара дней – и будешь удивляться, что ты находила хорошего в душной забитой Москве. Я тоже нервничал. Но пока контролировал работяг – настолько привык. И ты привыкнешь. А какое раздолье здесь будет Дарине и Снапу!

Бойфренд оказался полностью прав.

Дочь и собака вообще особо не заметили переезда. Это, впрочем, было не удивительно – ведь они много времени проводили в загородном доме родителей Лики, так что для них, по сути, изменились только мебель и участки.

А сама Лика, покинув Москву, вдруг почувствовала, что начинает жить заново.

По утрам ее будили солнечные лучи и пение птиц. Вкус кофе в беседке, увитой виноградом, казался особенно насыщенным и глубоким. Цветы на участке радовали яркостью свежих красок.

Работа? В этом доме писалось с таким вдохновением, что окружающая реальность исчезала, и настоящий мир обретал свои очертания лишь после хныканья проголодавшейся доченьки. А мобильный Интернет работал на приличной скорости, можно было безо всяких ограничений продолжать вести привычную виртуальную жизнь, отправлять статьи в редакцию, книги – в издательство, болтать с друзьями по скайпу.

Оказалось, что подружки охотно приезжают в гости, и можно совершенно замечательно с ними общаться. Даже удобнее это делать, развалившись в шезлонге на свежем воздухе, а не сидя на диванчиках в душных кафе.

Смущавшие Лику бытовые вопросы вроде поломки кранов пока не были особо актуальными: ремонт в доме выполнили на совесть. И Андрей заверил, что те фирмы, которые устанавливали технику, проводили отопление и канализацию, будут заниматься и обслуживанием; в случае любой поломки и придут, и починят.

Правда, оказалось, что соседи подобрались – нарочно не придумаешь. Коттедж слева принадлежит мужчине, который в качестве отдохновения от бизнеса избрал такое мерзопакостное хобби, как разведение курочек-цесарок. С утра пораньше птицы голосят как сумасшедшие, и стоит только ветру подуть от курятника – можно смело надевать противогаз, так как «аромат» куриных фекалий мгновенно уничтожает свежесть воздуха. Аналогичные «приятные» запахи могли доноситься и с участка, расположенного правее. Там некая мадам оборудовала вольер, в котором носилось, судя по лаю, штук сто пятьдесят собак. Оказалось, что четвероногие друзья в таких промышленных количествах тоже, мягко говоря, пахнут.

– Лучше уж навоз, чем выхлопные газы, – морща нос, смеялся Андрей. – По крайней мере, органика не вредна для здоровья!

Спорить с этим утверждением не хотелось. И с другими, пожалуй, тоже. Вдалеке от городской суеты вообще не хотелось спорить, не было поводов раздражаться, не возникало желания спешить и торопиться...

Жизнь снизила темп, сбавила обороты. И это позволило увидеть всю ее невероятную красоту, с лимонными рассветами, апельсиновыми закатами, ватными сахарными облаками.

– Я в раю, – снова пробормотала Лика Вронская. Убедившись, что Дарина со Снапом возьмется в надувном бассейне в меру активно, не рискуя повредить резину, она перевела взгляд на клумбу. Там всюду синели колокольчики, желтели крупные ромашки с коричневой серединкой, а еще обещали вот-вот распуститься оранжевые лилии. – Какой же Андрей молодец, что перевез нас сюда. А я еще носом вертела, и...

– О да, носом вертеть – это у тебя прекрасно получается, – раздался за спиной голос бойфренда. – Задерешь свою кнопку и смотришь так вопрошающе...

После секундного замешательства Лика взвизгнула и бросилась Андрею на шею.

– Ура! Любимый муж пораньше вернулся! – она чмокнула его в губы и чуть отклонилась назад, полюбоваться серо-голубыми глазами, черными изогнутыми бровями и самой лучшей щетиной на свете. – Как я рада! Раздевайся скорее, а то я уже вся загорелая, а ты бледный. На выходных, кстати, как всегда, обещали дождь; так что надо срочно ловить ультрафиолетовый момент. Интересно, почему в уик-энд всегда идут дожди, а начиная с понедельника солнышко сияет? Раньше всегда возмущалась этой тенденцией, когда сама изнывала в офисе!

Андрей, помахав Дарине, пытающейся оседлать Снапа, стал расстегивать рубашку.

– Дожди, говоришь? Значит, мы поставим мангал под навесом.

– А что, на выходных будет шашлык? – поинтересовалась Лика, не в силах оторвать взгляд от Андрея. Какой же он все-таки красивый, высокий, подтянутый! Они вместе уже больше года, а его тело волнует даже сильнее, чем после первой встречи.

– И шашлык, и гости! Все у нас будет!

– Здорово! Твои деловые партнеры приедут?

Он покачал головой:

– Я вот подумал: мы так и не отпраздновали переезд. Давай позовем твоих подружек и моих друзей. Соседей. Дизайнера Вадика надо обязательно пригласить – если бы не его труд, не было бы у нас такой красоты. Поговорим, поедим, потусуемся. Может я слишком сентиментален... Но, елки-палки, для меня это все-таки важный период; жизнь с тобой, переезд в этот дом. Я понял, что хочу, чтобы мои близкие люди за меня порадовались.

– Отлично, – Лика вскочила с шезлонга, намереваясь сбежать в дом, чтобы принести Андрею полотенце. – Классная мысль! Я уже устала всем экскурсии проводить! А так – соберем всех друзей сразу и все им покажем. Оптом все проще – угощать, развлекать.

– Ты такая практичная! Я про романтику, радость. У тебя все банальнее – оптовая экскурсия!

– Да нет, это ты практичный! Твое же предложение! Слушай, только давай не на следующих выходных вечеринку устроим, а через выходные. Надо же подготовиться. Хм, как-то очень подозрительно ты на меня смотришь...

Хитрый блеск в глазах Андрея не обманул – через секунду из шланга, который он вытащил из-за спины, хлынула струя воды.

Вронская ловко увернулась, а потом расхохоталась.

Даринка со Снапом – ей не чета, уже выбираются из бассейна и несутся к Андрею. Они от такой радости – пообливаться водой – отказываться не собираются!

* * *

– Муж хлестал меня узорчатым, вдвое сложенным ремнем. Для тебя в окошке створчатом я всю ночь сижу с огнем⁹, – бормотала Диана Зарипова, распаковывая сверток, который ей передал в Москве курьер секс-шопа. Пару часов назад, в автомобиле, рассматривать товар было неудобно: стекла же не тонированные. Зато теперь собственный коттедж уж точно скроет от посторонних глаз. – Честно говоря, никакой муж меня обычно ремнем не хлещет. Это я наказываю своего раба плеткой. А что делать? Такие вот у него, как оказалось, сомнительные эротические фантазии... Можно, конечно, решительно снять пиджак брошенный; прекратить заниматься всем этим непотребством. Но на что я тогда, интересно, стану жить? Кому сегодня нужны тонкие интеллектуалки, знатоки настоящей литературы? Никому, увы...

Картинка с сайта секс-шопа оказалась намного лучшего качества, чем реальное изделие. На фотографии аксессуар для строгой госпожи смотрелся внушительно; с массивной рукояткой, агрессивными кожаными хлыстиками, оканчивающимися узелками. В действительности же плетка была настолько миниатюрной, что использовать ее хотелось то ли в качестве ремешка для туники, то ли как мухобойку.

– Опять придется возвращать заказ, – расстроено вздохнула Диана, засовывая плетку в пакет. – Как же мне все это надоело! И эти дурацкие игрушки, и Валерик!

На выразительно-карих миндалевидных глазах девушки выступили слезы.

Все-таки жизнь к ней несправедлива!

Она окончила филфак, получила достойное образование. Света белого не видела – все за книжками сидела. Мечтала только о том, чтобы всю себя отдать в творчестве людям! Не торговкой там хотела какой-то стать, писательницей, служительницей муз!

И что получилось?

Ее книги, прекрасные умные книги, не заинтересовали ни одно издательство в России. Естественно, им подавай Донцову с Шиловой, которые писать не умеют совершенно!

«К сожалению, ваша рукопись не подходит нашему издательству», – такие письма постоянно приходили на мейл Дианы.

В конце концов она не выдержала. Прорвалась к одному из издателей в кабинет, и высказала все, что накопилось в душе, а потом еще с наслаждением шваркнула графином об пол.

«И тогда я понял: ты и есть женщина моей мечты, – вспоминал с умилением Валерик о том скандале. – Злая, за словом в карман не лезешь. Я тебя в два раза старше и в три – толще. А тебе по фигу, орешь, права качаешь, явно на драку нарываешься. А я и не возражаю, мне только того и надо; всегда хотелось, чтобы меня шлепали по полной программе. Только женщины, когда о таком узнавали, сразу сбежали».

Сбежать, конечно, хотелось. Это правда. Когда здоровенный бугай, пригласив в гости, вдруг начинает тонким голоском верещать: «Накажи меня, моя госпожа», – тут и правда одно желание – бежать. Только вот иногда от страха и ужаса наступает паралич; невозможно просто сдвинуться с места. Потом, когда первая волна брезгливости спадает, в голову лезут практичные мысли: «Может, я сегодня этого придурка плеткой отхлещу, а завтра он напечатает мои талантливейшие произведения? Конечно, все это очень противно, но ведь от меня не убудет. В конце концов, он мазохист, а не садист; наоборот – было бы хуже...»

Впрочем, книг Валерик, гад извращенный, так и не напечатал. Он вообще любые романы не печатал принципиально, даже гениальной Улицкой или умнице Рубиной бы отка-

⁹ Стихотворение Анны Ахматовой.

зал. В его конторе, гордо именуемой издательством, выходили тонны макулатуры – кроссворды, рецепты, анекдоты. Все, что пользуется спросом в современном бездуховном мире...

«Бесчувственное животное, – скрипнула зубами Диана, отбрасывая пакет. Мысли о собственной семейной жизни, как обычно, изрядно испортили ей настроение. – Пожрать да потрахаться – все, что Валерику надо. А ведь я – такая тонкая, такая умная и многогранная женщина, и вот вынуждена проводить свою жизнь рядом с примитивным боровом. Вот если бы...»

Закрыв глаза, Диана откинулась на спинку кресла и стала наслаждаться мечтами-фантазиями, которые в последнее время постоянно волновали ее сердце.

Сосед Андрей прекрасен – высокий, крепкий, загорелый. Когда она на него смотрит, ей всегда вспоминаются строки Ахматовой про сероглазого короля. Глаза у мужчины и правда потрясающие – серо-голубые, огромные; от такого взгляда по всему телу прокатывается волна сладкой волнующей дрожи. Впрочем, то стихотворение Ахматовой – грустное; сероглазый король умирает. Поэтому вспоминать его не надо; хочется, чтобы такой красивый мужчина жил долго-долго, и желательно с одной-единственной прекрасной и талантливой женщиной...

Фантазии прервались самым бесцеремонным образом – трелью звонка, возвещающей о том, что какой-то человек хочет пройти на участок.

Диана с досадой посмотрела на входную дверь, словно бы это могло выключить неумолкающую мелодию.

Естественно, чуда не произошло. Пришлось подниматься с кресла и подходить к монитору, на который передавалось изображение с видеокамеры, прикрепленной у калитки.

На кнопку звонка давила какая-то худосочная крашенная блондинка, одетая в джинсовые шорты и красную майку. Внешность девицы показалась смутно знакомой.

Впрочем – Диана с досадой поморщилась – все эти торгашки ведь на одно лицо...

– Я ничего не буду покупать, – заявила Диана, нажимая на кнопку связи. – Как вам только не стыдно беспокоить приличных граждан!

На лице девицы отразилась растерянность.

Так ей и надо, торгашке! Ловко сказано, у девчонки прямо челюсть отвалилась!

– А я ничего и не продаю, – вдруг заявила наглая особа. – Но вообще, что крамольного в том, чтобы предложить что-нибудь? У каждого своя работа! Ну и манеры у вас! Я еще рта не успела открыть, а вы на меня уже наехали!

– Да кто ты такая? Пошла вон отсюда! Я сейчас охрану позову! – с удовольствием взвизгнула Диана. Предчувствие грандиозного скандала вызвало у нее колоссальный прилив энергии.

Девица явно собиралась что-то сказать, но потом, к сожалению, лишь махнула рукой, развернулась и ушла.

И в тот самый момент, когда на физиономии наглая особа промелькнуло ехидное выражение, Диана хлопнула себя ладошкой по лбу.

Батюшки, да ведь это же Лика Вронская! Так сказать, горе-писательница из разряда всех этих бесталанных Брикер и Литвиновых!

Было дело, когда-то познакомились на форуме крупного издательства, общались. Но в издательствах, как и везде, окопались те же тупые торгаши. Которые ничего не понимают в настоящей литературе. Тупые детективы Вронской стали активно печатать, эта крашенная выдра замелькала на телевидении. А действительно прекрасные книги, высокую литературу, так никто и не издал...

Тем временем камера наблюдения показывала просто ужасные вещи.

Вронская подошла к воротам соседнего коттеджа, провела по замку у калитки ключом-таблеткой и скрылась внутри!

То есть получается, эта мерзкая особа находится в каких-то отношениях с Андреем, прекрасным сероглазым королем?! И у нее есть ключ от его дома?! А может, она – просто помощница по хозяйству? Ну, вдруг ее серия закрылась, и Вронская осталась без работы, вот и подалась коттеджи мыть...

– О, нет, нет, только не это! – простонала Диана, падая в кресло. Ей вдруг сразу вспомнилось, что утром Валерик предупреждал: кто-то из недавно переехавших в поселок соседей будет устраивать вечеринку, и после обеда жена этого самого соседа зайдет познакомиться.

Ни больше ни меньше – жена!

– Ладно, соседка, я тебе устрою, – Диана погрозила кулаком в окно, из которого виднелась крыша соседского дома. – Тебе еще небо с овчинку покажется! Ты пожалеешь, что перешла мне дорогу! Очень сильно пожалеешь...

* * *

Отсутствие осадков и стоящая на улице теплынь совершенно не радовали Славу Самойлова.

Такая погода, как теперь, просто создана для того, чтобы крыть крыши.

Красота: ни осадков, ни изнуряющей жары. С заказами – никаких проблем. Летом все хотят пригласить кровельщиков – и владельцы частных домов, и организации. Самый сезон. Не позаботишься по своей инициативе о крыше летом – зима заставит позаботиться. А в холода и цена на кровельные работы выше, и качество укладки хуже. Зато сейчас – благодать, можно было бы хоть с утра до вечера на кровле киянкой¹⁰ и молотком орудовать – погода позволяет. И заработки в сезон приличные, до десяти тысяч «зеленых» можно в месяц получить. Кровельные работы ведь дорогие, потому что самые сложные.

И вот, вместо того, чтобы заработать свои гарантированные деньги, приходится тратить время на всякую ерунду! Вместо того, чтобы работать, он вынужден следить за этой девчонкой, Таней.

«Я не спускаю с нее глаз уже несколько месяцев, – Слава завел двигатель своих «Жигулей». На стоянке показались Татьяна и Мария Дмитриевна, а это означало, что надо трогаться побыстрее – женщины ведь ездят на серебристой «Субару Импрезе», а у нее движок, как у самолета: пара секунд – и тачка улетает из пределов видимости. – Слежу каждый день, выучил ее расписание наизусть. И когда лекции, и когда фитнес – все знаю. Познакомиться нереально! Тетка эта с нее глаз не спускает. Я было пытался пошутить с Таней; спросил, как водится, не нужен ли зять ее маме. И на меня Мария как прикрикнула! А девчонку за руку схватила и потащила в машину!»

Слежки женщины, как обычно, не замечали.

Можно было пристраиваться им прямо в «хвост» и таскаться целыми днями – никаких признаков того, что дамочки обеспокоены. Правильно мужики говорят: бабы за рулем никогда в зеркала не смотрят; разве только чтобы губы подкрасить. Единственной проблемой являлся мощный автомобиль. Тетка-надсмотрщица при мало-мальски свободной трассе гнала, как Шумахер; подрезала, часто перестраивалась, вскакивала на тротуары.

Слава ехал за серебристой «Субару», и у него от раздражения ныло сердце.

Может, надо было не соблазняться легкими деньгами, а попытаться заработать нужную сумму на крышах?

Однако все подсчеты показывали – необходимых для операции в Германии ста пятидесяти тысяч за полгода все равно не накопишь. А врачи говорили однозначно: в России такие операции не делают; если брата не прооперируют в ближайшее время, он никогда не станет

¹⁰ Кровельный инструмент для направленной деформации металла.

на ноги. «Братишка, блин, как же так, – простонал Слава. – Ведь я же говорил, будь осторожнее на лесах. А он все смеялся, думал – шуточки. Если бы я только знал, что случится...»

«Субару» притормозила возле кафе на Кутузовском проспекте.

Проводив взглядом направляющихся на обед женщин, Слава потянулся к портфелю, лежащему на пассажирском сиденье, и извлек нетбук.

Привыкшие к строительным работам огрубевшие пальцы медленно и неуверенно пробежали по клавишам.

Особой надежды на успех своей затеи у Славы больше не было.

Это первые дни, едва только он узнал необычную новость, ему казалось – стоит только протянуть руку, и огромные деньги окажутся у него в кармане. Всех дел-то – обмануть молоденькую девчонку, застенчивую и глупую. А потом все будет о'кей – братишка поправится.

Однако шло время – и к реализации цели не удавалось приблизиться ни на шаг.

Надежды больше не осталось. Но и бросать это дело не хотелось из принципа, как упрямо кровельщики не бросают возиться с плохо режущимся металлом, со строптивым шифером или черепицей...

Помучавшись с установлением интернет-соединения, Слава наконец открыл электронную почту. И улыбнулся уголками губ.

Какая все-таки лажа – этот Интернет! Чистую правду говорят: настоящая помойка!

Вот только зарегистрировал ящик – и сразу какой-то Ираклий Звездунский стал забрасывать письмами с предложением увеличить длину члена или купить виагру.

Звездануть бы этому Звездунскому между глаз посильнее – знал бы, как приставать к нормальным мужикам с какими-то дурацкими предложениями, и...

Слава потряс головой, поморгал глазами.

Но нет, не показалось – между письмами вездесущего Ираклия было то самое сообщение, которое он ждал...

* * *

– Я передумал по двухскатной крыше. Да ну, в натуре, слишком просто. Надо переиграть, сделаем многоскатную.

Мысленно заматерившись, Вадим Липин попытался терпеливо объяснить клиенту, к каким последствиям приведет изменение профиля крыши.

Дизайнеры и строители знают: двухскатная крыша и стоит дешевле, и монтировать ее проще.

– Легче будет устраивать освещение, меньше проблем возникнет с системой вентиляции, – Вадим встал из-за стола и заходил по своему кабинету. – Ну и самое главное – в вашем проекте нет выступающих частей здания, вы захотели классическую прямоугольную планировку на триста квадратных метров. Какие множественные скаты? Тогда придется переделывать весь проект, планировать фигурные комбинации, которые «спаяет» крыша.

– Так планируй!

– Это будет новый проект, за который вам придется опять заплатить, – холодно заметил Вадим, очень рассчитывая, что клиент вообще расторгнет договор и потребует вернуть деньги. Конечно, по логике вроде как ничего возвращать не надо: сначала человек заказал один проект, принял его и одобрил, а потом вдруг захотел новый. Дизайнер тут не виноват, ведь на стадии обсуждения никаких замечаний не высказывалось. Но лучше уж потерять время и остаться без оплаты, чем постоянно сталкиваться с человеком, который толком не знает, чего хочет. Судя по тому, как начинается сотрудничество с этим перманентно всем «тыкающим» хамом, работа будет постоянно сопровождаться колоссальным уничтожением нервных клеток.

– Ваши пожелания меняются чаще, чем погода! – холодно заметил Вадим, разглядывая себя в зеркале. Увы, собственное отражение ничуть не улучшилось – те же бесцветно-водянистые небольшие глаза, курносый нос, полные щеки, сине-красные от следов угревой сыпи. Такая внешность не впечатляет женщин. А покупать молоденькую девчонку – это как-то ниже собственного достоинства... – Зачем вы тогда принимали предыдущий проект? Неужели так сложно понять, что крышу вот так просто поменять невозможно! К сожалению, мне приходится констатировать – у нас с вами нет взаимопонимания. И вы относитесь к моей работе без элементарного уважения!

Он провоцировал клиента и в глубине души радовался, что уже может себе позволить выбирать, с кем работать и на каких условиях. Теперь имя Вадима Липина – это знак безусловно высокого дизайнерского качества. Но так было не всегда; и в начале работы пришлось немало натерпеться от таких вот распальцованных кадров, считающих, что большие деньги дают индульгенцию на хамство и капризы. Как хорошо, что сейчас все это в прошлом и из желающих заказать проект очередь стоит!

– Ладно, я все понял. Не нужен новый проект, – буркнул клиент. – Пускай все работяги строят, как мы добазаривались.

Такая покладистость Вадима Липина не обрадовала. Он вспомнил пару-тройку скандалистов, которые делали вид, что их все устраивает, – а потом с новыми силами принимались предъявлять претензии; горбатого могила исправит. Однако на таком этапе временного компромисса отказываться от сотрудничества нет оснований. Не заявишь же прямо в лицо: «Не хочу иметь с вами никаких дел, так как вы мне все нервные клетки сожжете!»

– Нет, зарываться тоже нельзя, – пробормотал Вадим, ставя трубку телефона на базу.

Дизайнер сел в кресло с высокой кожаной черной спинкой, развернулся к 27-дюймовому эпплловскому моноблоку и погрузился в работу.

А заказ был просто замечательный!

Симпатичная женщина немногим за сорок, владеющая несколькими ювелирными магазинами, решила построить дом, который, с одной стороны, был бы не похож на другие, но с другой – не особо выделялся роскошью и шиком.

И вот, появилась пара отличных идей; возможно, заказчица будет довольна! Уже скоро она сможет посмотреть на проект под условным названием «Оникс» – небольшой двухэтажный дом на сто пятьдесят квадратных метров. Изюминка – в отделке стен, будут использоваться специальные плиты с покрытием, напоминающим полудрагоценные камни – оникс, кварц, нефрит.

– Наверное, хозяйка «медной горы» оценит, – шептал Вадим великолепному плану первого этажа и чертежу мансарды, а еще симпатичному гаражу на две машины. – Люблю такие дома, в которых хочется жить самому!

– Вадим Александрович, Татьяна звонит, – вдруг раздался в динамике мелодичный голос секретарши.

И после легкого щелчка уже заговорила сестра:

– Вадька, привет! Я чего тебя беспокою. Я тут купила рекламную газету, объявления по отдыху просматриваю. Вот думаю: не рвануть ли в Таиланд? Или в июле там дожди? В Интернете пишут – дожди, но ты же вроде летал туда прошлым летом? Или я что-то путаю?

Вадим закусил губу, а потом решительно выдохнул:

– Тань, ты могла бы уже запомнить – я всегда отдыхаю осенью или весной, когда у меня не так много работы. В октябре прошлого года я летал на Канары. А насчет твоего отдыха – я не планирую в этом году отправлять тебя за границу. Потому что! Не планирую! Вообще-то я не должен тебе ничего объяснять. Но если ты настаиваешь – я попытаюсь. Мне не понравилось твое настроение после возвращения из Испании. Ты вела себя очень нервно. Я видел, что ты чем-то обеспокоена. И ты мне так и не сказала, что произошло!

Мария Дмитриевна уверяет, что отдых прошел как обычно, без эксцессов. Но я же видел – все не так... Поэтому я принял решение больше не отправлять тебя на юг с Марией. Поедем отдыхать вместе, когда я освобожусь.

Он отвел трубку от уха – сестра завизжала настолько пронзительно, что аж барабанные перепонки зазвенели.

– Да я же и так никуда не хожу, не езжу! Отпуск – это моя единственная отдушина была. А ты сам, конечно, хорошо устроился: тусуешься, то с клиентами в ресторанах, то на семинарах. Я тоже хочу так – общаться, перемещаться, – ныла сестра.

И замечания о том, что все решения принимаются только ради ее блага, она встречала оглушительным ревом.

– Ладно, хорошо, на днях возьму тебя с собой. Клиенты пригласили меня на новоселье, – буркнул Вадим, больше всего мечтая о том, чтобы сестра прекратила орать и можно было вернуться к своему прекрасному восхитительному «Ониксу». – Пойдешь, составишь мне компанию. Надеюсь, тебе будет интересно, и ты перестанешь меня упрекать в том, что я никуда тебя не пускаю.

Разговор с Таней выбил его из колеи.

Как жаль, что сестра не ценит и не понимает всего, что для нее делается!

Она требует свободы, но осознает ли, к каким последствиям может привести вседозволенность? Какой-нибудь корыстный мерзавец, мечтающий породниться с самим Липиным, непременно разобьет Тане сердце! И это в лучшем случае! Неужели сестренка хочет стать одной из тех, кто тайком бежит на аборт или пытается лечиться от наркомании?..

Глава 2

Париж, 1944 год, Пабло Пикассо

Строго говоря, как один пудель похож на другого, так и одна женщина в точности напоминает иную дочь Евы. Можно брать в свое ложе любую девушку – все равно между ними не имеется никакой разницы.

Да, принципиальной разницы нет.

Но, наверное, в этой анатомической и экзистенциальной схожести можно выделить, очертить все-таки несколько видов устремлений женской души. Есть те мадемуазель, которые хотят снисходить, повелевать, сиять – богини, с твердым характером, величественными манерами. А есть такие, которым как воздух необходимо подчинение. Мягкие, они отступают перед грубой силой, напором, даже изломом (причем болезненным). Женщины-подстилки, обожают чувствовать себя слабыми и униженными; подчинение господину, угождение хозяину – вот их стихия. Впрочем, и первые, на которых надо молиться (то есть делать вид, что молишься), и вторые (потоптать их ногами побольнее – и они будут твоими со всеми потрохами) достаточно хороши, только надо не давать им спуску, и...

– О чем ты думаешь?

Пабло отрывает взгляд от мольберта и с самым честным видом врет Франсуазе:

– Я думаю о кубизме. Очень жаль, что мы с тобой не познакомились раньше. У тебя такое тонкое пропорциональное тело.

Франсуаза ¹¹ прячет довольную улыбку, бросает рассматривать приставленные к стене мастерской холсты и легким свежим ветерком уже сквозит мимо, сосредоточенно разглядывает работу то с одной стороны, то с другой.

Милая, внимательная, непокорная – она интересуется каждым нюансом. Однако с вопросами не торопится, старается сама во всем разобраться.

Она очень красивая. У нее каштановые волосы и светло-голубые глаза. Сегодня пришла в длинном темно-синем бархатном платье. Должно быть, думает: «Вечером все непременно случится. Случится уже целиком и полностью, по-настоящему». Но Франсуаза ошибается. Сегодня – не ее очередь, не ее ночь. Богиня не знает: сегодня черед подстилки оказаться в спальне самого Пабло Пикассо. О, Долорес Гонсалес явно может доставить мужчине удовольствие! Несмотря на ее скромность, она жаркая, страстная (хотя, может, девочка еще сама себя не знает, но опытного ценителя женщин не проведешь). С Долорес все будет по-другому, не как с Франсуазой...

По телу Пабло разлилось приятное тепло.

Он вспомнил, как смотрел на покорно склоненный затылок Франсуазы, и понимал: именно теперь богиня готова сделать все, что будет приказано. Только девочка напрасно волнуется: никаких приказов не последует; вся эта игра продумана до мелочей, ее роль – всего лишь роль пешки...

Он раздевал малышку медленно, радуясь: наконец-то можно прикоснуться к мягкой сливочной коже, слабо пахнущей ванилью.

Убедился, что взгляд художника не обманешь – тело девушки, до трогательно торчащих ключиц и суховатых длинных бедрышек именно такое, какое и представлялось. Поставил Франсуазу, голенькую, напуганную, но все-таки отчаянно пытающуюся сохранять гордый вид, на колени. Дал ей понять, что сейчас придется... А потом вдруг оставил все намерения позабавиться с ее ротиком; окутал нежностью слов, аккуратно одел, заботливо поправляя прядки пышных волос...

¹¹ Франсуаза Жило, предпоследняя жена Пикассо.

Франсуаза бы отдалась в ту минуту – но так можно получить лишь ее тело, не душу. Душа подобных непрых цпочек открывается навстречу только после долгих разговоров, обмена многозначительными взглядами, слияния умов.

Просто Франсуаза англичанка. То есть она, конечно, французенка, но характер у нее английский, чопорный, замороженный. Придется потрудиться, чтобы зажечь огонь.

А вот Долорес зажигать не надо. Испанская кровь, она пылает от мимолетного прикосновения. Сначала это возбуждает, но потом (опыт, опыт, все ведь уже было, все известно заранее) быстро приедается.

Однако теперь еще все-таки не выбрать одну из этих двух девочек. Забавно: обе называют себя художницами. Художницы... – так, водят кистями по холсту, напрасно тратят краску. Хотя, с другой стороны, а кто не зря расходует материалы? Рядом с собственным творчеством, чего уж скромничать, все художники (кроме разве что Матисса) кажутся такими малозначительными! Итак, две девчушки. А ведь есть еще Дора, с ней тоже не кончено.

Впрочем, кто сказал, что надо выбирать одну из нравящихся женщин? Можно наслаждаться ими всеми, как наслаждаются красивым букетом цветов...

– Я считаю твой кубизм периодом чистой живописи, – закончив изучать картину, провозгласила тем временем Франсуаза. – Теперь твоя живопись идет не ввысь, а вширь. Ты продвинулся на пути выразительных средств, максимальной нагрузки в мелочах. Но ты никогда не создашь ничего выше картин кубистского периода! Они утвердили новый порядок. Импрессионизм был хаосом, кубизм вновь вернулся к структурированию композиции.

– Посмотрим лет через пять, – пробормотал Пабло, с трудом сдерживаясь, чтобы не отшлепать Франсуазу.

Как это она сказала?

«Никогда не создашь ничего выше!»

Надо же, умная тут нашлась!

Своей язвительностью эта девочка еще больше подчеркивает восторженную мягкость Долорес.

Вот Долорес-то ни капли не сомневается: каждая новая работа Пикассо на порядок лучше предыдущей; она верит в это не просто сильно – неистово.

Нет, решительно эти девочки нужны ему рядом обе. Они дополняют друг друга, подчеркивают свои достоинства.

Ничего не поделаешь, им придется все это принять.

А может, они так и не узнают о существовании соперницы?

Конечно, это было бы проще. Но доставило бы меньше удовольствия. А вот настоящая схватка между двумя женщинами, бьющимися за мужчину, может стать отличным сюжетом для картины. Как возбуждает и щекошет нервы подобное зрелище! Здесь есть что писать – ненависть, страсть, напряжение!

Приблизившись к Франсуазе, Пабло взял девушку за подбородок и сказал:

– Мы не должны слишком часто видеться. Если хочешь сохранить глянец на крыльях бабочки, не касайся их. Нельзя злоупотреблять тем, что должно принести свет в мою и твою жизнь. Все прочее в моей жизни обременяет меня и заслоняет свет. Наши отношения представляются мне открывшимся окном. Я хочу, чтобы оно оставалось открытым. Нам надо видеться, но не слишком часто. Когда захочешь встретиться, позвони и скажи¹².

Пабло уже находился в прихожей, намереваясь подать пальто Франсуазе, когда в дверь вдруг позвонили.

¹² Цитируется по книге Ф. Жило «Моя жизнь с Пикассо».

– Тише вы! – закричал он с досадой на оживившихся птиц. – Когда-нибудь я с ума сойду от вашего чириканья!

Но канарейки и неразлучники, заматавшиеся в своих клетках, к истинной причине гнева имели мало отношения.

Конечно же, это уже пришла Долорес. Хотя ей было сказано объявиться вечером, а время теперь еще только обеденное. Примчатся пораньше, сгорая от нетерпения, – очень на нее похоже!

«А ведь с испанки станется вцепиться Франсуазе в волосы, – с опаской подумал Пабло, осторожно открывая двери. В этот миг он особенно жалел, что секретарь, Сабартес, отпущен – и ведь какой отличный был бы щит между двумя женщинами! – Ладно, скажу Долорес, что Франсуаза – просто родственница горничной. И вообще, почему я обязан что-либо объяснять?! И...»

К огромному облегчению художника, на пороге стоял Жиль Рено, агент.

Какая приятная встреча!

Были времена, когда за этими агентами приходилось гоняться по всему Парижу. А потом упрашивать жирных лоснящихся боровов: «Возьмите, пожалуйста, хоть одну мою работу; недорого отдам». Они презрительно кривили рты, и затем, с видом высочайшего одолжения, отсчитывали пару мелких купюр.

Теперь бегать приходится от них.

А впрочем, пускай приходят. Лучше – сразу по несколько человек. Тогда одного можно оставить в гостинной, а второго повести в мастерскую. Ожидающий номер один сойдет с ума, представляя, как номер два выбирает лакомые кусочки. Номер два будет считать – а вдруг самые лучшие работы припасены для конкурента? Конечно, ни в коем случае не стоит ничего продавать обоим мерзавцам. Во-первых, в деньгах уже давно нет острой необходимости, во-вторых – продавать свои работы всегда жалко. И самое главное – мечь этим проклятым агентам.

Что бы такого придумать, достойного Жилия Рено?..

Предвкушая новое развлечение, Пабло наскоро попрощался с Франсуазой и махнул агенту рукой:

– Давай, проходи скорее. Что ты там топчешься на пороге! Как я рад тебя видеть! Вот не поверишь – сидел и думал: «Когда же придет ко мне мой дорогой Рено, я приготовил только для него пару работок, которые его явно заинтересуют...»

На полном лице агента застыло недоуменное выражение.

– Конечно, месье Пикассо, я сочту за большую честь приобрести ваши работы, – восхищенно выдохнул он. – Вы гениальный мастер, и всякий будет счастлив купить ваши полотна, выставить их в своей галерее. Даже в Париже, несмотря на запреты нацистов, ваша живопись в большом фаворе. И это логично, месье Пикассо.

Пабло закривлялся:

– Месье Пикассо, месье Пикассо! К чему такие церемонии. Ты ли это, мой добрый Жиль? Ты так холоден со мной! Может, мне продать свои работы другому агенту, например Куаре или Маке?.. Но нет, я буду работать только с моим дорогим Рено. Не хмурься, мой лучший агент, давай-ка...

Пикассо ловко сдернул с головы Рено красивую бежевую фетровую шляпу и нахлобучил себе на голову.

– Какая прекрасная шляпа, – Пабло подошел к зеркалу, приосанился. – Замечательная вещьца.

– Она от Локке, – Рено улыбался, однако взгляд маленьких темных глазок сделался настороженным. – Согласен, прекрасная шляпа. Только это не ваш размер.

– Да, к сожалению! У меня очень большая (а значит, и умная) голова. В отличие от моего любезного Рено...

Агент быстро сделал вид, что не заметил колкости:

– Если месье будет угодно, я могу сходить к Локке и приобрести шляпу побольше. Мне будет очень приятно сделать такую малость для месье Пикассо.

– О, не стоит так затруднять себя. Все можно исправить намного проще, – Пикассо метнулся к столику, взял нож для разрезания книжных страниц и стал распарывать им швы. – Вот, немного поправим тут и тут... Думаю, подойдет, – снова нацепив покромсанную шляпу на голову, пробормотал Пикассо. Он подошел к зеркалу, прищурился: – Ну и дурацкий же у меня видок в этой шапчонке, ничего не скажешь. Пожалуй, она мне не идет. Жаль, конечно, такой мягкий фетр... С крупным черепом так сложно подобрать себе достойный головной убор!

И он, обернувшись, швырнул шляпу в сторону Рено. К собственному огромному удивлению, растерзанная тряпка спикировала прямо на голову агента.

Рено миг стал красный от возмущения, на его лбу выступили крупные капли пота. При этом агент натянуто улыбался, вспоминая, должно быть, обещание продать картину.

О, вы только посмотрите на этого идиота! Ради полотен Пикассо он готов вытерпеть что угодно, любые издевательства!

– Что-то я устал сегодня, – рассмеялся художник, наслаждаясь всей палитрой эмоций Жилия. – А зайди-ка ты ко мне лучше на следующей неделе. Глядишь, и столкнемся!

Выпроводив агента, Пабло отправился в ванную, открыл кран с водой и с волнением подставил под струю ладонь.

Горячая вода была!

С легким шипением она вырвалась из крана и потекла вниз, в еще не закрытую пробкой тяжелую большую ванну.

Увы, годы оккупации сделали ценными множество вещей, на которые прежде вообще никто не обращал никакого внимания.

И в этот момент, когда на протянутую ладонь лилась теплая струя и от нее в разные стороны разлетались брызги, Пабло вдруг все понял.

Действительно, это же ясно и понятно; как разобраться с двумя девушками, какой именно из них уделить больше внимания.

Долорес, которая появится в этих апартаментах через несколько часов, не создана для того, чтобы постоянно дарить радость своим обществом.

Она мягкая, покладистая. Всегда готова восхититься, пожалеть, приласкать; выдать для своего мужчины любую эмоцию, которая ему требуется. Так течет в мирное время из крана горячая вода. Хорошо, тепло, приятно – не более того. Этим пользуешься, не особо обращая внимание на преимущества.

А вот жить надо именно с Франсуазой. Колочая, едкая – она может быть теплым озером нежности, а может оказаться ледяной волной язвительности. Непредсказуемость делает одинаково ценным и первое, и второе...

* * *

– Ты потрясающе выглядишь!

– Спасибо, Манечка, – Лика Вронская благодарно улыбнулась подруге, популярному автору детективных романов. – Мне кажется, платье сидит хорошо?

– Великолепно! Оно броское и очень необычное. И стрижка у тебя удачная; все-таки каре всегда смотрится и стильно, и сексуально. Макияж мне в общем и целом нравится. Только, может, я бы губы поярче сделала.

– Я их еще вообще не красила, – Лика опять с сомнением посмотрела на собственное отражение в зеркале.

Впервые она отказалась от привычного мини и выбрала длинное платье из черного шелка, кружев и органзы. Захотелось романтики: выглядеть счастливой принцессой рядом с прекрасным принцем, в собственном замке. Однако, наверное, не каждому порыву следует поддаваться. Теперь, когда она облачилась в шелково-кружевное вычурное одеяние, возникает только один вопрос: не слишком ли пафосны корсет и глубокое декольте? Конечно же, они уместнее на Каннской лестнице, а не в подмосковной деревне! Вот вырядилась, сельская клуша – как проститутка из элитного борделя или сумасшедшая престарелая актриса! Впрочем, подруга уверяет, что платье прекрасно. И ей можно верить, у нее идеальный вкус. Кстати, рядом с Маней, короткостриженной брюнеткой в прямом коротеньком черном платье, даже собственный экзотический наряд все-таки выглядит стильным. Похоже, есть настолько идеально красивые женщины, что отблеск их сияния явно облагораживает окружение. Может, так и проходить весь вечер, под руку с подругой?..

– Мань, я уже чуть не рехнулась с этими приготовлениями! – пожаловалась Лика, пытаясь пригладить непослушную прядь волос. – Никогда бы не подумала, что с организацией таких вечеринок столько хлопот. Опыта нет! В городскую квартиру я больше десяти человек сроду не приглашала. В частном доме, оказывается, все по-другому!

Подруга пододвинула к зеркалу пуфик, взяла фен и кивнула:

– Ты садись, я тебе с укладкой немного помогу. Осторожнее, шлейф свой красивый помнешь! А я гостей встречать обожаю!

– Я тоже! – прокричала Лика, зажмурившись. Струи теплого воздуха щекотали лицо. – Но не в таком же количестве! Когда мы с Андреем посчитали, сколько народа хотим видеть, – сами обалдели, не думали, что у нас так много близких друзей. Этот список сократить было невозможно! Придут сестра Андрея и моя подруга Катя с мужем, дизайнер Вадим, а еще приятель Андрея – он из тюрьмы, правда, недавно вышел, но Андрюха уверяет, что парень тот адекватный, за экономическое преступление сидел, как Ходорковский... Я пригласила тебя с мужем, следователя Владимира Седова, судмедэксперта Антона. Ну куда мне без моих ментов, я с ними сто лет дружу, я их люблю... Редактор моей газеты, редактор нашего издательства с ребенком (девочке всего годик, но мама с чадом уже активно тусуются, и это правильно; правда, они ненадолго приедут, на пару часов всего). Еще грозились появиться продюсер телесериала по моим романам; актеры, которые в главных ролях снимались. Ах да, плюс – соседи по этому поселку. Некоторые из них – совсем чокнутые (прикинь, я одну барышню пришла на вечеринку звать – а она меня приняла за распространителя и обхамила, ну и снобизм!). Я бы эту мадам ни за что не позвала, она же бешеная, на людей бросается; но Андрей меня уболтал, стал рассуждать о терпимости, о том, что и мы сами не идеальны...

– Всех-то гостей считали? – выключив фен, Маня взяла со столика у зеркала губную помаду и кисточку и ловко накрасила подруге губы.

– Около сорока; тридцать восемь, что ли, – осторожно прошептала Лика, стараясь не смазать ярко-алый блеск на губах. Через пару секунд он просохнет, и тогда можно будет болтать с подругой сколько угодно. – Конечно, угощение на такое количество людей сам не приготовишь – если не являешься владельцем кулинарного цеха. Любимый мужчина замариновал шашлык, я сделала много овощных нарезок. А салаты и закуски заказали в ресторане. Пришлось пригласить пару официантов. Мы с Андреем прикинули, что если этого не сделать – то придется не общаться с гостями, а весь вечер с тарелками вдоль столов носиться. Дизайнер Вадим очень удачно подсказал нам ресторанчик, буквально в полчаса езды от нашего коттеджа. Мы тут толком еще и освоиться не успели. А он, пока строителей контролировал, все здесь изучил. А еще вечером приедут ребята с фирмы, запускать фейерверк.

– Ого! Ну вы и размахнулись!

Вронская пожала плечами. Собственно говоря, количество гостей действительно оказалось внушительным, и это вызвало некоторые сложности. Когда стало известно о предстоящих организационных хлопотах, у обоих новоявленных деревенских жителей возник порыв отказаться от своей идеи. И оба же потом, не сговариваясь, решили не пасовать перед всей этой бытовухой. В конце концов, если хочешь устроить себе праздник – придется потрудиться. И не надо допускать, чтобы из-за банальной лени не осуществлялись планы и мечты.

– Мань, я счастлива, – улыбнулась Лика, прижимаясь щекой к щеке подруги. – Мы с Андреем, наконец, научились понимать друг друга. У нас обнаружилось много общего. Мы видим эту жизнь под одним углом, и...

Внезапно умолкнув, Лика выхватила у Мани изящный портсигар, который та извлекла из сумочки, и спрятала его за спину.

Темные брови подруги вопросительно изогнулись.

– Ты же вроде бы не куришь, бросила, – прищурилась Маня. – Или я чего-то о тебе не знаю?

– Я не курю. И ты больше не будешь.

– Это еще почему? Да у меня сигарета – единственная радость в жизни!

– Потому что... от этого, как ни банально звучит, умирают... А радостей у тебя много. Просто ты этого не понимаешь, и с сигаретами это никак не связано...

Плакать глупо.

Слезам горю не поможешь.

Косметика потечет – а ведь гости начнут приезжать с минуты на минуту.

Не время, не место.

Только все равно глаза наполняются влагой, а к горлу подступает комок.

Как жалко своего коллегу... Ему нет еще и сорока. Вместе начинали журналистскую карьеру, вместе ездили в командировки. Курили тоже вместе, затягиваясь горьковатым дымом и хихикая над предупреждениями Минздрава.

Теперь коллеге не до курева, другие дела. С онкологией в легких перекуры больше не актуальны; начинается совсем другая жизнь, и она ужасна – врачи, анализы, подготовка к операции. Невыносимые мучения близких людей, страх неизвестности. И, самое обидное и страшное, по словам заболевшего приятеля: осознание того, что в этот ад начинаешь спускаться самостоятельно, щелкаешь зажигалкой и идешь, с глупо-независимым видом...

– Не переживай, он поправится, – вздохнула подруга, косясь на портсигар. – Да, в таких ситуациях всегда думаешь – беда случится с кем угодно, только не со мной. Не волнуйся, он выкарабкается.

– Мань, жизнь без сигарет прекрасна. И книги можно запросто писать без никотина, и любить, и развлекаться. Я не хочу, чтобы тебе было больно, – Лика протянула серебристую коробочку. – Возьми, я понимаю, что резко с вредной привычкой завязать сложно. Но пообещай мне двигаться в этом направлении, хорошо?

– Ты не слишком категорична?

Вронская кивнула:

– Слишком. Но я тебя очень люблю и не хочу, чтобы у тебя возникли проблемы со здоровьем, которые рано или поздно возникают у всех курильщиков, и... Ой, ты слышишь? А вот и первые гости!

Засигналивший у ворот автомобиль заставил девушек переместиться к окну. Через пару секунд после того, как отодвинулись ворота, на участок заехал черный джип с тонированными стеклами. Из него вышел мужчина, однако к Андрею, идущему навстречу гостю, не подошел; махнув рукой, он распахнул пассажирскую дверь автомобиля, помог выбраться своей спутнице.

– Наверное, это друг Андрея, Игорь; ну тот, который из зоны вышел, – пробормотала Лика, удивленно разглядывая девушку. Хорошенькая, чуть полноватая, она была одета, как одеваются учительницы в советских фильмах: белая блузка, черная прямая юбка до середины щиколотки, туфли на невысоком устойчивом каблуке. – Только вот непонятно, где он нашел такую приличную девчонку; прямо тургеневская барышня.

– Откуда ты знаешь, что она – приличная? В тихом омуте... – Маня взяла Лику под руку и, окинув подругу придирчивым взглядом, провозгласила: – Хватит прихорашиваться, ты прекрасна! Пойдем развлекать гостей. Я умираю от любопытства!

– И я! У меня отличное настроение! Как мне все-таки нравится, что к нам приедет такая куча народа!

– Осторожнее! – взвизгнула Маня, но было уже поздно: торопясь, Лика задела рукой горшок с цветком, прикрепленный к кованым перилам лестницы, тот спикировал вниз и свалился чуть ли не на голову безмятежно спящему в холле Снапу. Пес резво отпрыгнул в угол и оттуда укоризненно смотрел на спускающуюся по лестнице хозяйку. – Ой, как же я перепугалась! Ладно, будем считать, что цветочные горшки, как посуда, бьются к счастью. Главное, что обошлось без потерь. Страшно представить там, внизу, твою Даринку. Кстати, наверное, ты правильно сделала, что отвезла ее к своим родителям. Я так понимаю, у вас тут гулянка на всю ночь намечается. Малявка проснется если не от громкой музыки, так от фейерверка...

Лика машинально поддакивала подруге, едва сдерживаясь, чтобы не закричать.

В считанные секунды все изменилось. От приподнято-беззаботного настроения не осталось и следа.

Сердце мучительно колет тревога. Предчувствие неотвратимо приближающейся беды сдавливает грудь.

Что-то случится.

Именно сегодня произойдет что-то ужасное и трагичное.

Ведь фиксатор кашпо, в котором находилась прекрасная цветущая орхидея, был очень надежным.

Перила лестницы – такое место, где волей-неволей возможны случайные прикосновения. Однако эти кашпо, прикреплявшиеся к лестнице и нишам в стенах, фиксировались намертво.

Если после легкого касания горшок пикирует вниз – не является ли это знаком?..

«Знаком некачественного ремонта, – убеждала себя Лика, пытаясь унять разрастающуюся в сердце тревогу. Вид рассыпавшегося на плитке субстрата для орхидей, поникшего растения и черепков почему-то продолжал вызывать необъяснимо мучительную панику. – Вот сейчас подъедет дизайнер – обязательно выскажу свое недовольство. Не успели мы переехать в этот дом – и все уже разваливается! Все будет хорошо. Надо успокоиться и взять себя в руки. Что это я, в самом деле, неизвестно почему перепугалась, как маленькая...»

Возможность пообщаться с дизайнером представилась Лике раньше, чем она предполагала.

Оказалось, что это именно Вадим Липин приехал только что, на черном джипе, в обществе своей сестры.

Вронская сразу шутливо попеняла на качество крепления декоративного кашпо. Хотя на самом деле ей хотелось совсем другого – не шутить, не болтать, не встречать приезжающих гостей, а пробраться в свою спальню. Закрыть за собой дверь, плюхнуться прямо в красивом платье на постель, натянуть на голову одеяло. И переждать надвигающуюся грозу...

– Что произошло? – внимательно вглядываясь в Лику, поинтересовался Андрей. – Ты так побледнела. Нормально себя чувствуешь?

Вздохнув, Лика молча кивнула. Рационального объяснения своего невыносимо-тревожного состояния у нее не было. А напрягать любимого мужчину рассказами о тревоге и смутных предчувствиях – дело неблагодарное. Помочь в такой ситуации все равно невозможно...

– Не волнуйся, все пройдет хорошо, – Андрей по-своему истолковал растерянный взгляд девушки, прикоснулся губами к ее виску. – Иначе и быть не может! Мы продумали все до мелочей. И ты у меня самая красивая! С погодой нам тоже повезло: по прогнозу не будет ни жары, ни дождя. Смотри, наверное, твой приятель Седов подъезжает, это же его «Жигули»?

И правда, синяя старенькая Володина «семерка» уже ловко въехала на парковку.

Почему-то вид следователя, с любопытством вертящего головой по сторонам, Вронскую слегка успокоил. И совершенно напрасно...

* * *

– Да нет, что ты, какое беспокойство! Не могу сказать, что живу буквально по соседству; полтора часа на дорогу придется потратить. Естественно, туда-обратно смотаться – это уже три часа или чуть больше. Но ты пойми, я не могу тут шашлык жевать, когда работа некачественно сделана. Подавлюсь и все дела. «Вот и не стало талантливого дизайнера Вадима Липина», – напишут в колонке с некрологами. Естественно, типун мне на язык; у меня ж Танька непристроенная, да и сам я не против еще пожить в собственное удовольствие. Знаешь, вообще это на моей памяти первый случай дефекта в польских кашпо. Вся продукция этой фирмы – надежнейшие вещи. И изделия для цветов польского производителя очень эстетично выглядят, – направляясь к джипу, терпеливо объяснял Вадим причину отъезда. Хозяин дома быстрым шагом шел рядом и упрямо доказывал: – Бог с ним, с этим горшком, никуда ехать не надо. Я часто использую их в декоре. Очень мне нравятся кадки для пальм, белоснежные, под мрамор; многоступенчатые полочки для нескольких горшков. Вот такие кашпо для ниш и лестниц тоже смотрятся очень эффектно. Я уверен, что надо заменить только один элемент, речь идет о единичном браке. У меня дома в гараже как раз лежат такие кашпо, собираюсь на днях выполнять отделку на новом объекте. Я просто привезу вам один горшок с фиксатором, и моя душа будет спокойна.

– Ну, какой следующий раз? О чем ты?! Я же планирую работу в другой квартире, это на противоположном конце Москвы. А еще проект дома на днях буду сдавать, для одной классной дамочки; такой шикарный дом придумал – сам бы жил! Ты пойми, у меня просто времени не будет к вам смотаться. Андрей, да я понимаю, что тебе все равно! Но мне-то не все равно! У меня душа не на месте! Может, это смешно – быть таким педантом. А мне по барабану, как это со стороны выглядит. Да, я такой, я так живу...

– Вот ведь Лика! И кто ее только за язык тянул про этот горшок тебе рассказывать! – в сердцах бросил Андрей. – Совсем моя подруга не думает, что надо говорить, а что при себе следует оставить! Благодаря тебе у нас теперь есть классный дом! И вместо того, чтобы слушать, как все гости восторгаются твоей работой, ты срываешься и уезжаешь. Только из-за того, что Лика поехидничала насчет какого-то там горшка! Ну, ведь это же не дело! Да я на то кашпо вообще и внимания не обращал! Я только после того, как оно отвалилось, о его существовании узнал! Старик, забей; чего из-за всякой фигни париться! Моя Лика – это что-то! Не обижайся, на самом деле она тебе очень благодарна.

Вадим открыл машину и мягко улыбнулся:

– Не ругай свою девушку. Она у тебя замечательная, очень красивая. И я все равно бы отъехал, даже если бы она промолчала; мне еще кое-что по отделке не понравилось. Там в одной комнате панель под подоконником потемнела. Ее надо было лаком покрыть, строители

стормозили, а я, видимо, не проконтролировал. Так что я и лак заодно привезу, сам покрою, это несложно. Зато все будет – без сучка без задоринки. Как я и люблю.

– Вадик, останься. Да никто кроме тебя на эту панель и внимания не обратит. Я такой шашлык классный замариновал, пальчики оближешь!

Вместо ответа Вадим махнул рукой и скрылся в салоне автомобиля. Андрею не осталось ничего, кроме как посторониться, освобождая машине дорогу...

Бросив взгляд на часы, Вадим нажал на газ.

Надо побыстрее съездить в свой таунхаус и вернуться обратно.

Конечно, Андрей уверял, что глаз с его сестры не спустит и что среди приглашенных – только его близкие друзья. Но все равно, лучше не задерживаться...

Вадим включил радио, обогнал еле ползущий старенький «Москвич» и попытался сосредоточиться на дороге.

Почему-то внимание рассеивалось, мысли перепрыгивали с одного на другое.

Внезапно накрывало волной раздражения из-за того, что у коттеджа, мимо которого мчался джип, покосился забор. Потом вдруг думалось: а ведь у него самого, у талантливого дизайнера, который с утра до ночи рисует проекты таких вот коттеджей, собственного дома вообще нет. Таунхаус – это удобнее, чем квартира в какой-нибудь «панельке», но совершенно не тот уровень комфорта, который дает собственный дом. Сапожник без сапог, честное слово! Хотя конечно, покупать недвижимость в Подмоскovie особого смысла нет; за такие деньги лучше обзавестись виллой на Лазурном Берегу, да и планы возникали такие – со временем переехать из Москвы, слишком уж суматошный город. А работать на Россию можно будет и из-за границы – не в таких объемах и не тех формах, как теперь, но все-таки возможно. Электронная почта, телефон – все это позволяет устроить офис в любой точке мира...

Вадим задумывался о множестве мелочей, но никаких опасений насчет того, что происходило в его собственной квартире, у дизайнера не возникало.

Ни следа не осталось от всегда царившего там идеального порядка.

Распахнутые шкафы, вытащенные ящики, валяющаяся на полу одежда... Декоративные панели, местами придававшие стенам фактуру природного камня, были безжалостно отодраны; та же участь постигла искусственный камин и огромный плазменный телевизор.

Весь этот бардак мог свидетельствовать только об одном: в этом доме явно что-то искали; быстро, лихорадочно, не церемонясь.

О сильном болезненном ударе по голове, неожиданно выключившем кино этого мира, Вадим тоже пока не задумывался...

* * *

«Все-таки мой Вадька – большой молодец, – думала Таня, вместе с другими гостями осматривая дом. – Мне хочется любоваться всем: и внешней отделкой, и внутренним дизайном. А еще больше – этими восхищенными взглядами других людей... У всех рты открыты от изумления. Только Лика Вронская улыбается явно через силу. Похоже, ругает себя; думает, зря она Вадику про это кашпо сказала. Но он все равно бы сорвался, не за горшком, так еще за какой-нибудь ерундой. В этой придирчивости – весь мой брат. Наверное, поэтому у Вадика так много клиентов. Другие дизайнеры проект нарисуют – и до свидания; в лучшем случае пару раз на объекте появятся. А Вадик постоянно следит за ходом работ, в каждую дырку лезет, может даже материалы сам купить. Никто так не делает, кроме него. Он плюет на все правила. И в итоге добивается безукоризненного качества».

При мыслях о брате Таня грустно улыбнулась.

Нет, то, что Вадька внезапно уехал за каким-то там кашпо, – это совершенно не удивительно. Странно, что он оставил ее здесь, среди незнакомых людей. Всего на пару часов, конечно. Но, тем не менее, это будут пару часов свободы; и без брата, и без Марии Дмитриевны...

«Сама судьба мне помогает. А я-то голову ломала, как от Вадика отделаться! – И вот все так удачно сложилось, – теперь приглашенные на новоселье переместились в спальню, и Таня поймала в зеркальной плоскости шкафе-купе свое отражение. Одежда, выбранная по настоянию брата, конечно же, смотрелась ужасно – как на старой провинциальной тетке. – Теперь я смогу совершенно спокойно встретиться с покупателем альбома Пикассо. Он просто подойдет ко мне в условленном месте, как мы и договаривались. Правда, здорово напрягает то, что я не знаю этого человека в лицо, он отказался прислать фотографию. Я даже не знаю, мужчина это или женщина. Мы начали общаться на форуме, где тусуются коллекционеры живописи; у человека был ник Антиквар. Потом мы стали переписываться по мейлу, Антиквар написал, что собирает полотна известных мастеров. Альбом Пикассо его заинтересовал. Я послала ему фотки рисунков, потом мы торговались, и вот...»

Таня снова и снова рассматривала людей, которые любовались работой ее брата.

Кто-то из них сегодня получит ключ от банковской ячейки, где должен лежать альбом. И вручит точно такой же – от ячейки с деньгами.

Антиквар согласился заплатить за альбом всего сто тысяч долларов. Конечно, эта сумма не эквивалентна настоящей стоимости графики Пикассо. Но все-таки этих денег хватит, чтобы сбежать от брата!

На секунду Тане стало так жаль Вадима, что на глазах даже выступили слезы.

Несмотря на то, что у Вадика вроде как куча знакомых и клиентов, по-настоящему дружеских отношений у него почти ни с кем не сложилось. Девушки у брата тоже нет, со своей подругой он расстался более двух лет назад и так и не сумел найти ей замену. Что его ждет после исчезновения сестры? Вадиму придется возвращаться в пустую квартиру, где ему никто не улыбнется; брат будет включать на полную громкость телевизор, стремясь заглушить мысли об одиночестве...

Правда, потом вспомнилось и другое – как Вадька ограничивал общение, выбирал дурацкую одежду, не позволял буквально шагу ступить без своего ведома. А церберша Мария Дмитриевна? Что, разве кто-то из ровесниц вынужден все время находиться рядом с такой бдительной взрослой компаньонкой?!

Нет, все решено правильно.

Ближе Вадима никого нет. Но он настолько давит, что возникает лишь одно желание – вырваться из этого плена.

Итак, кто ты, где ты, Антиквар, пообещавший оказаться в этом коттедже? Наверное, речь идет о гостях – каким-то образом Антиквару удалось napроситься на вечеринку к Лике и Андрею.

До назначенной встречи остается все меньше времени...

Просто мурашки бегут по спине...

«На самом деле альбома в банковской ячейке нет, – думала Таня, искоса поглядывая на многочисленных гостей. – Я решила немного перестраховаться на случай обмана. Но, разумеется, как только я пойму, что меня не обманули и Антиквар заплатил сто тысяч долларов, – сразу же отдам рисунки Пикассо. Иначе меня просто убьют, а я хочу жить. Хотя пока и не представляю, как это – избавиться от контроля Вадима?..»

* * *

– А знаете, вы мне кого-то напоминаете...

«Николь Кидман я вам напоминаю. Если мне кто-нибудь при знакомстве этого не скажет, то я решу, что человек – слепой», – мысленно продолжила Лена фразу, начатую симпатичным чуть полноватым мужчиной лет сорока.

Мужчина Лене очень понравился. Было в нем что-то такое душевное, располагающее.

Однако проявлять инициативу, расспрашивать, чем этот мужчина занимается, она не стала.

Хватит, пару минут назад уже поинтересовалась у одного, такого же любезного, протянувшего бокал шампанского. Игорь, отводя взгляд, промямлил:

– Пока ничем не занимаюсь, так как совсем недавно освободился из мест лишения свободы.

Да от подобных откровений в обморок можно грохнуться!

Подумать только, зэк, и где – на вечеринке в таком крутом коттедже! Да тут столько знаменитостей, и актеры, и продюсеры. Жена соседа, Лика – как выяснилось, известная писательница. И не бояться ведь новые соседи общаться с уголовниками...

«Эти люди, Андрей и Лика – все-таки они очень странные, – подумала Лена, сочувственно разглядывая прищурившегося мужчину. Было видно, что он пытался вспомнить имя актрисы, но оно где-то затерялось в пыльных залежах на чердаке памяти. – Я чуть не упала, когда ко мне пришел Андрей и пригласил в гости. Меня, белую ворону в этом поселке! Со мной многие жители не здороваются принципиально, даже когда нос к носу сталкиваемся. Конечно, у меня старый дом, крытый шифером, с печным отоплением. Газ на участок не проведен, туалет на улице. Мой домик – как прыщ на фоне глянцевого блеска этого поселка. Они презирают меня! Впрочем, не важно... Мне наплевать, что обо мне подумают. Конечно, бывший муж ловко все обставил с разделом имущества, себе городскую квартиру, мне – эту развалюшку, старую дачу. Да, жить здесь – сложно. Но главное – моим собакам тут лучше, чем в городе».

Лена подумала о своих подопечных и улыбнулась.

Но они ведь такие славные! Дворняжки в основном, с ними хозяева не церемонятся, натешатся, а если что не так – за дверь. Псов, нуждающихся в новых хозяевах, в Москве тысячи. В приютских вольерах всех не разместишь, многие волонтеры берут собак и домой, на передержку. Хорошо, когда близкие понимают этот порыв – беспокоиться о животных, которые сами о себе заботиться не могут. Но чаще всего в семьях волонтеров рано или поздно возникают конфликты.

«Ну и пошел ты, – вспомнив бывшего мужа, Лена нахмурилась. – Очень хорошо, что все сложилось именно так. И я рассталась с бывшим не в сложной ситуации, когда мне требовалась помощь. Просто до этого не дошло. Он бросил бы меня в трудную минуту без угрызений совести. Как требовал избавиться от беременной Джесси, в разгар зимы, в морозы, и...»

– Актриса, американская, – простонал мужчина, протягивая визитную карточку. – Очень красивая женщина. Но вы лучше!

Лена скосила глаза на серый прямоугольничек плотной бумаги и едва сдержалась, чтобы не запрыгать от радости.

Следователь Владимир Седов! Следователь! Это же просто здорово! Давно хотелось познакомиться с таким человеком; нормальным милиционером. То есть – полицейским, как сейчас надо говорить, хотя и привыкнуть к этим нововведениям сложно. Следователь, наверное, тоже подойдет. Главное – чтобы у него имелось служебное удостоверение. И правильное понимание того, что с этим удостоверением делать. И тогда...

От предвкушения открывающихся перспектив у Лены заняло дух.

И как тут не волноваться?! Ведь такая «корочка» сотрудника правоохранительных органов может о-го-го как помочь! Надо просто заявиться с ней на Птичку, туда, где с рук продают животных, и попытаться прекратить творящийся там беспредел.

Бедные, бедные те песики и котята... У грамотного заводчика породистый щенок с родословной стоит не меньше 30 тысяч рублей. А на Птичке за полторы продадут и «чихуху», и «овчарку». Бог с тем, что там впаривают нечистокровных животных. Намного печальнее, что шанс выжить у тех щенков минимален. Им не делают прививки, не дают препараты от глистов, плохо кормят. Понимающий эту проблему сотрудник правоохранительных органов может помочь! Штрафы и изъятие пометов сразу же сократят количество тех, кто наживается на животных!

Солнечно улыбнувшись Седову (очень нужное знакомство, надо будет обязательно попытаться использовать этого мужчину), Лена отошла чуть в сторону.

Похоже, перекур и осмотр участка закончены. Андрей снова пригласил гостей в уютную виноградом беседку, где стояли столы; официантки и официанты в красивой форменной одежде стали разносить какие-то новые ароматно пахнущие блюда.

«Не буду возвращаться к столу, – решила она и пошла по дорожке к дому. – Сделаю вид, что мне нужно в туалет. А сама...»

Даже мысленно договаривать: «Посмотрю, можно ли тут что-нибудь украсть» стыдно. Конечно, ради себя на чужое зариться – это исключено.

Однако собаки... Песикам столько всего нужно – корм, витамины, препараты от глистов, клещей. Кастрировать и стерилизовать собак никто бесплатно тоже не будет. Разумеется, воровать – это отвратительно. Но ведь речь же не идет о грабеже! Просто берется какая-то мелочь, ради животных. Да на такие мелкие пропажи никто и внимания-то не обращает! Поэтому...

«Я возьму только пару тысяч рублей или одну недорогую цепочку, – убеждала себя Лена, осторожно поднимаясь по лестнице. – В конце концов, Лика и не заметит пропажи, у нее таких украшений – вагон и маленькая тележка; и денег, наверное, всегда в кошельке много. А я смогу купить собакам пару больших мешков корма. Надо взять колечко или бабки, потом припрятать свои находки на моем участке. Конечно, я уверена: никто ничего не заметит, никакого обыска не будет. Но на всякий случай надо подстраховаться. Береженого, как говорится...»

Намеченный план реализовался легко. Небрежно оставленных сумок, кошельков или портмоне на глаза, правда, не попало. Зато в спальне, на туалетном столике у зеркала, заваленном косметикой, нашлась шкатулка, битком набитая украшениями. Лена выбрала кольцо – по виду из белого золота, с довольно большим синим камнем. Там имелось еще одно колечко, явно более дорогое – с шестью сияющими камнями, похожими на бриллианты. Однако его девушка брать не стала, она же не воровка!

Спрятав находку в сумочку, Лена быстро выскользнула из комнаты, побежала по лестнице, пересекла холл и выскочила из дома.

Теперь – надежно спрятать украшение, и дело сделано.

«Идти через выход на свою дачу рискованно. С той стороны стоят столы, меня заметят, – решила девушка, направляясь в глубь участка. – Переброшу кольцо через забор – и дело с концом».

Там, в уголке возле забора, граничащего с собственным участком, похоже, никого не было. Да и вряд ли могло быть, то место совсем не располагало к прогулкам и не вызывало любопытства – рядом с газоном стояли строительные леса, лежали остатки блоков, досок и других стройматериалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.